

Электронный научный журнал

РАЦИО . ru

№ 5

2011

Содержание

<i>Самохвалов К.Ф.</i> О математической деятельности как риторике ...	3
<i>Чуешов В.И.</i> Риторика старая, новая и аргументация.....	11
<i>Герасимова И.А.</i> Логика мечты или невозможного	29
<i>Ермолаев В.К.</i> <i>Persuader/Convaincre (Persuading/Convincing)</i> – проблема терминологического различения двух видов речевого воздействия.....	49
<i>Зайцева Н.В.</i> Как возможна аргументация к универсальной аудитории?	67
<i>Катречко С.Л.</i> Трансцендентальная аргументация Канта как формальная онтология.....	89
<i>Кислов А.Г.</i> Культура интеллектуального досуга: поэтика задач и риторика решений	106
«Модели рассуждений – 4: аргументация и риторика».....	130

К.Ф. Самохвалов
О МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК РИТОРИКЕ

В статье рассматривается так называемая «внутренняя риторика». Автор предлагает простой анализ математической практики в терминах такой риторики. Схематически намечено, каким образом в математике возникают априорные высказывания.

This article considers the so-called 'inner rhetoric'. The author offers a very simple analysis of mathematical practice in terms of such rhetoric. It is shown schematically how synthetic a priori propositions emerge in mathematics.

Ключевые слова: философия математики, математическая задача, «внутренняя риторика», априорно-аналитические и априорно-синтетические утверждения в математике.

Keywords: philosophy of mathematics, mathematical problem, "inner rhetoric", analytical and synthetic a priori propositions in mathematics.

Как бы ни выглядела математическая деятельность со стороны, действующему-то математику она представляется внутренним диалогом с собой с целью *убедить в чём-то самого себя*. В этом качестве математическая деятельность может, конечно, считаться своеобразной, назовём её *внутренней*, риторикой.

Цель сообщения — схематически, опуская сугубо математические малознакомые детали, показать, что характер приёмов этой внутренней риторики приводит к появлению в математике априорно-синтетических утверждений.

1. Итак, математик воспринимает свою деятельность как поток попыток убедить себя то в одном, то в другом. Попросту говоря, математик постоянно осо-

знаёт и решает какие-то возникающие перед ним задачи. Ничего другого он не делает. А если и делает, то не в качестве математика.

Поэтому необходимо несколько слов сказать о том, что такое задача.

Конечно, никто не сомневается в том, что уже просто *понимание* (не решение) любой математической задачи предполагает наличие определённых знаний у того, кто понимает.

И здесь важно подчеркнуть, что такого рода знаниям, — знаниям, предполагаемым при понимании любой задачи, — можно дать математически точное описание.

Предъявить это описание в полном виде (см., например, [1, с. 13-18]) здесь неуместно, ибо это значило бы выйти за пределы школьной математики. Однако кое-что об этом опущенном мною описании я всё же должен сказать.

Предварительно замечу, что среди всех непротиворечивых теорий в любом языке, объёмлющем язык арифметики, можно выделить некоторый специальный подкласс тех из них, к которым не применима печально знаменитая (кто только её не склоняет!) вторая теорема Гёделя о неполноте. Теории, принадлежащие этому подклассу, назовём *слабыми*.

Так вот, если математик сумел *сформулировать* (*поставить*) некую задачу Φ , *понятную ему* (*осмысленную для него*), то, как оказывается, в результате этой формулировки он будет располагать некоторой слабой теорией S_Φ такой, что каждая теорема из S_Φ — вклад в смысл (в понимание) задачи Φ , а любое решение задачи Φ , *если оно есть*, может быть найдено в рамках этой слабой теории.

Стоит подчеркнуть, что при этом каждая теорема τ теории S_Φ воспринимается математиком в качестве априорно истинного утверждения, так как τ — часть

смысла задачи φ , и, следовательно, сомневаться в τ означало бы сомневаться в смысле задачи, а значит, и в самой задаче. Между тем, сама по себе задача не бывает ни ложной, ни истинной, она бывает лишь интересной или не интересной, разрешимой или не разрешимой, трудной или лёгкой, и т.д. и т.п.

Таким образом, математик, если он имеет дело с отдельной *понятной ему* задачей φ , всегда располагает бесконечным множеством априорных утверждений, — множеством теорем теории S_φ , — в своей совокупности достаточных для того, чтобы справиться с задачей.

Поэтому, имея дело с отдельной задачей, математик считает совершенно излишним подразделять априорное знание, приобретённое им в ходе осмысления своей задачи, на какие-то части. В частности, ему нет дела и до разграничения аналитическое – синтетическое.

Ему важно лишь одно — его знание априорно (в нём нельзя сомневаться) и достаточное, чтобы справиться с задачей.

2. Но тогда как же вообще возникает среди математиков интерес к этому разграничению? А что он возникает, об этом ярко свидетельствует, например, знаменитый и неразрешённый спор между Пуанкаре и Расселом по поводу схемы аксиом индукции в арифметике. Как известно, Пуанкаре считал схему индукции ярким примером синтетического знания *a priori*, а Рассел решительно возражал.

В чём тут дело?

А дело в том, что математик редко работает по такому сценарию, когда ему надо решить только одну задачу, скажем φ . Обычно его интересует не отдельная задача, а то, что обычно называется *проблемой*, — т.е. его интересует сразу какое-то неединичное *множество* Φ задач.

Иными словами, обычно речь идёт о таком сценарии, когда работа математика начинается не с выбора какой-то одной задачи, а с выбора пары (Φ, U) , где Φ — какое-то множество задач, а U — излюбленная математиком теория, например, теория множеств.

Выбор множества Φ отражает наличные *интересы* математика, выбор U — наличные *средства* к удовлетворению этих интересов. Причём предполагается, что, вообще говоря, эти выборы первоначально осуществлены независимо друг от друга и без каких-либо дополнительных предварительных ограничений на Φ и U .

Естественно, что в таких обстоятельствах у математика появляется резон спросить себя, в какой степени средства, которыми он располагает, отвечают целям, которые его интересуют.

Стало быть, для него небезразличен вопрос: годится ли теория U для постановки и решения *каждой* или *хотя бы одной* задачи из множества Φ ? Если теория U годится для постановки (а значит и решения, если оно есть) хотя бы одной задачи из множества Φ , назовём её *Φ -полезной*, а если для всех задач, то — *Φ -адекватной*.

Познакомимся с рассматриваемым сценарием поближе.

Чтобы излишне не усложнять рассуждения, предположим, что математика интересуют всего две задачи φ и ψ , т.е. предположим, что $\Phi = \{\varphi, \psi\}$.

Пусть A_Φ — объединение множеств теорем обеих теорий S_φ и S_ψ : $A_\Phi = S_\varphi \cup S_\psi$.

Каждый элемент a множества A_Φ — предложение, задающее или часть смысла задачи φ , или часть смысла задачи ψ , или общую часть смыслов обеих задач. Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, назовём предложение a *априорным относительно множества Φ задач (относительно проблемы Φ)*.

Соответственно, само множество A_Φ естественно назвать *априорным знанием относительно Φ* .

Замечу, что априорное знание A_Φ , вообще говоря, не является теорией, т.е. не является обязательно замкнутым относительно дедукции.

Замечу также, что A_Φ может быть даже противоречивым множеством предложений, не будучи при этом противоречивой теорией.

Пусть теперь An_Φ — пересечение множеств теорем обеих теорий S_Φ и S_Ψ : $An_\Phi = S_\Phi \cap S_\Psi$.

Каждый элемент b множества An_Φ — предложение, задающее общую часть смыслов и задачи Φ , и задачи Ψ . Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, назовём предложение b *априорным аналитическим относительно множества Φ задач (относительно проблемы Φ)*.

Соответственно, само множество An_Φ естественно назвать *аналитической компонентой априорного знания относительно Φ* .

Аналитическая компонента априорного знания относительно Φ всегда является теорией.

Наконец, пусть Syn_Φ — разность множеств A_Φ и An_Φ : $Syn_\Phi = A_\Phi - An_\Phi$.

Каждый элемент c множества Syn_Φ — предложение, являющееся априорным, но не аналитически априорным относительно множества Φ задач (относительно проблемы Φ). Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, назовём предложение c *априорным синтетическим относительно множества Φ задач (относительно проблемы Φ)*.

Соответственно, само множество Syn_Φ естественно назвать *синтетической компонентой априорного знания относительно Φ* .

Для этой компоненты справедливы те же замечания, что и для A_Φ .

3. Напомню, что мы рассматриваем сценарий, когда математик начинает работу с выбора не только

проблемы (множества задач) Φ , но ещё и с излюбленной им теории U .

В связи с этим нам нужно определить не только априорно аналитические и априорно синтетические компоненты *знания* относительно Φ , но и соответствующие компоненты UAn_Φ и $UAsyn_\Phi$ произвольной (излюбленной) *теории* U .

Путь для этого очевиден:

$$UAn_\Phi = U \cap An_\Phi;$$

$$UAsyn_\Phi = U \cap Asyn_\Phi.$$

UAn_Φ назовем *Φ -априорно аналитической*, а $UAsyn_\Phi$ — *Φ -априорно синтетической компонентой теории* U .

Легко понять, что для одной и той же теории U и различных множеств задач Φ_1 и Φ_2 , если $\Phi_1 \subset \Phi_2$, то $2UAsyn_{\Phi_1} \subset UAsyn_{\Phi_2}$. Откуда следует, что упомянутый неразрешённый спор между Пуанкаре и Расселом легко разрешить: достаточно предположить, что Рассел ориентировал арифметику на более узкий класс задач, чем Пуанкаре.

Предположим, что проблема $\Phi = \{\varphi, \psi\}$ выбрана так, что $S_\varphi \neq S_\psi$. Тогда легко видеть, что теория U является Φ -адекватной, только если $UAsyn_\Phi \neq \emptyset$. Если же проблема Φ выбрана так, что $S_\varphi = S_\psi$, то тогда $UAsyn_\Phi = \emptyset$ и тем не менее U может быть Φ -адекватной.

Проблему $\Phi = \{\varphi, \psi\}$ назовём *неоднородной*, если $S_\varphi \neq S_\psi$.

Тогда для любой пары (Φ, U) , если проблема Φ неоднородна, а Φ -априорно синтетическая компонента теории U пуста, то теория U не является Φ -адекватной.

С другой стороны, теория U заведомо Φ -адекватна, если она противоречива.

Вот теперь мы имеем ясный мотив, для попыток выяснения, пуста или не пуста Φ -априорно синтетиче-

ская компонента теории U , коль скоро уже как-то выбрана пара (Φ, U) такая, что проблема Φ является неоднородной.

Разумеется, всё сказанное тривиально обобщается на проблемы, состоящие из произвольного множества Φ задач. В частности, всё сказанное распространяется на проблему ΦL , состоящую из множества всех осмысленных задач в произвольно заданном языке L . В последнем случае множества $UAn_{\Phi L}$ и $UAsyn_{\Phi L}$ называются просто *априорной аналитической* и *априорно синтетической компонентами теории U в L* .

Стоит подчеркнуть, что любая противоречивая теория в языке L , объемлющем язык арифметики заведомо является ΦL -адекватной. Выводы насчёт значимости вопроса о непротиворечивости излюбленных математиками теорий оставляю на усмотрение читателя.

В заключение замечу, что полное изложение опущенных математических и философских деталей читатель найдёт в книжке [1], пронизанной идеей, принадлежащей Ю.Л. Ершову, так называемого «задачного подхода».

Список литературы

1. Ершов Ю.Л., Самохвалов К.Ф. Современная философия математики: недомогания и лечение. — Новосибирск: «Параллель», 2007. — 143 с.

Об авторе

Самохвалов Климентий Фёдорович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института математики СО РАН, г. Новосибирск, kfsamochvalov@mail.ru.

About author

Prof. Klimenty F. Samokhvalov, Leading Research Fellow, Institute of Mathematics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, kfsamokhvalov@mail.ru.

В.И. Чуешов
РИТОРИКА СТАРАЯ, НОВАЯ И АРГУМЕНТАЦИЯ

Рассматриваются философские основания старой и новой риторики, выявляется их единство и различие, а также связь с проблемами аргументации. Обосновывается единство старой и новой, а также аргументационно-центричной и экспрессивно-центричной риторики.

This article deals with the philosophical backgrounds of old and new rhetoric, their differences and similarities, as well as their connection with argumentation. The author explains the unity of old and new rhetoric as well as of argumentative-centric and expressive-centric rhetoric.

Ключевые слова: *риторика, риторика старая, риторика новая, аргументация, аргументационно-центричная риторика, экспрессивно-центричная риторика.*

Keywords: *rhetoric, old rhetoric, new rhetoric, argumentation, argumentative-centric rhetoric, expressive-centric rhetoric.*

Введение

В современной аргументологии как философии теории и практики аргументации образ человека аргументирующего является многоуровневым. В тех контекстах коммуникации, в которых особенности интеракции ее субъектов можно вынести за скобки анализа, человек аргументирующий призван действовать как человек логический (*Homo logicus*).

Логика как наука о формах (структурах) мышления и языка является фундаментом цивилизации, а также естественно-научного познания, мира технологии и техники.

В социогуманитарном познании, социально-политической и экономической реальности, а также в

культуре мы принципиально не всегда можем абстрагироваться от потребностей, интересов различных сторон коммуникации. Там и тогда, где и когда потребности и интересы людей мы не можем не принимать в расчет, образ человека аргументирующего трансформируется из Homo logicus в Homo rhetoricus.

Сфера компетенции Homo rhetoricus, как человека аргументирующего начинается там, где аргументатор выходит за границы твердо установленных истин и вступает в мир правдоподобного, вероятностного знания.

Двигаясь во вселенной такого знания, он должен определенным образом учитывать свои и чужие интересы и потребности, понимать смысл, стоящих перед ним проблем, а также принимать в расчет выразительность, красоту и эффективность вербального дискурса. Наукой об этих сторонах коммуникации людей и является *риторика*.

В истории европейской культуры риторика чаще всего предстает перед нами в облике двуликого Януса — науки об убеждении и искусства говорить красиво.

Еще средневековые художники изображали ее в виде божества с лилией, символом красноречия во рту и мечом — символом убеждения, в руках. Это различие меча и лилии сыграло в истории риторики особую роль, фактически, предопределив особенности трансформации ее предметной области, революционных преобразований ее корпуса и образовательные перспективы.

1.Риторика старая

Родоначальниками риторики вообще, фактически, классической или старой риторики были Эмпедокл, Коракс, Тизий.

Если в эпоху Геродота, древние греки предпочитали решать спорные вопросы с помощью военной си-

лы, то уже во времена Эмпедокла, Коракса, Тизия и Протагора они все чаще обращались к разрешению спорных вопросов посредством переговоров и посланников [4, с.15,19]. В практике переговоров выковывалась новая технология обращения с мыслью и словом, формировалось представление о том, что «упрямо не верить неопровержимым доводам, — на что обращал внимание Эмпедокл, — свойство никчемных людей» [7, Ч.I, с.344].

В таком контексте высказывание ученика Эмпедокла Коракса о том, что «красноречие — есть работница убеждения» [5, Т.ХХХVI, с. 815] было, как осмысленным, так и глубоким.

Об онто-гносеологических основаниях старой, или классической риторики до сих пор проще всего составить представление, обратившись к спору, основателя первой европейской риторической школы на Сицилии Коракса со своим учеником Тизием.

Рассматривая фабулу данного спора, полезно иметь в виду, что Тизий уже изучил курс риторики у Коракса. В жизни он должен был по договору заплатить ему за обучение после своей первой победы в суде — обучение в школе риторики было практико-ориентированным. Однако Тизий не спешил принять участие в каких-либо судебных разбирательствах и ничего не платил Кораксу.

Тогда учитель подал на своего бывшего ученика в суд. Тизий, принимая вызов в суд, рассуждал в соответствии с риторическими уроками своего учителя следующим образом: «Если я выиграю, то не буду платить по решению суда, ну, а если проиграю, то, опять же, не буду платить, потому что условия моего соглашения с Кораксом не выполнены. Поэтому, независимо от того, проиграю или выиграю в суде, платить мне не придется». На это Коракс возражал в том смысле, что если он выиграет дело в суде, то Тизий заплатит

ему по решению суда, а если проиграет, то ученик заплатит учителю по условиям договора об обучении.

Очевидно, что онто-гносеологической предпосылкой данного спора являлось чуть позже четко сформулированное софистом Протагором основоположение: «Человек есть мера всех вещей, существующих, потому что они существуют, и не существующих, потому что они не существуют».

Когнитивной предпосылкой нашего спора между учителем и учеником было согласие между ними в том, что не существует одного, единственного истинного знания (*epistema*), а тяжбы людей вращаются вокруг вероятностного, правдоподобного знания (*doksa*).

Вникнув в смысл надежд и мотивов, как учителя, так и ученика безвестный сицилийский судья отказался от рассмотрения, инициированного наставником дела, назвав при этом Тизия «плохим яйцом от плохой вороны». Эпитет, согласитесь далеко не снисходительный для человека, убежденного в том, что у Фемиды, держащей в руках весы справедливости (истины) на глазах обязательно должна быть непроницаемая повязка.

Нам на примере спора Коракса и Тизия в отличие от судьи, еще важнее обратить внимание на то, что мир риторики, как *работницы убеждения*, начинается там, где заканчиваются границы знания истинного, и где перед аргументатором открывается такая перспектива, в которой уже нет места для безличной информации, или сведений (выражаясь современным языком), а бытийствует ориентированное на решение каких-либо практически значимых проблем, *человеческо-размерное* знание. Иначе говоря, такое знание, которое, согласно Пармениду, сопряжено с *убеждением* (*peito*).

Пейто у Парменида еще не было, конечно, рафинированным интеллектуальным обольщением (*conviction*) или эмоциональной привязанностью (*per-*

suasion) по отдельности, являлось единым божеством убеждения, которое могло и обвивать золотом шею Пандоры, и побуждать Медину оставить родину. Поскольку Пейто (иногда имя этого древнегреческого божества убеждения по-русски записывается и как Пифо), была если и не одной из ипостасей Афродиты, то, в качестве хариты — спутницей античной богини красоты, любви и плодородия, постольку в ее облике Эмпедоклом объединялись два начала убеждения — и конвиктивное и персуазивное (экспрессивное).

В таком виде убеждение, в качестве, например, убедительного рассуждения, использующего искусственные (технические) риторические инструменты, а также аксиомы и законы, было способно «сделать сильного слабым» и, наоборот. На этом, собственно, и настаивали проницательные исследователи такой стихии риторики, как языка и его оснований — профессиональные учителя античности — софисты Протагор и Горгий.

Старшие софисты сумели выявить неразрывную связь правдоподобного, человеко-размерного знания с затруднениями и проблемами, выпадающими на долю человека в реальной жизни. И нерешенный кем-либо вопрос, и стоящая перед человеком острая проблема, указывали софисты, в языке оформляются как столкновения противоположных мнений, и относительно своей сути, и путей ее решения.

Оценивая связь софистики и риторики, важно не только прислушаться к мнению Гегеля, убежденного в том, что софистика была «эпохой великого расцвета Греции». Не менее поучительно указать на то, что именно софисты выявили теснейшие связи оснований риторики с эристикой — искусством спора, прояснили особенности социализации логоса в условиях полисной демократии.

Обосновывавшаяся софистами специфика социализации логоса побуждала аргументатора к расширению границ когнитивных единиц человеческого бытия, за счет включения в их пределы наряду с доксой, техне, эпистемой, а также первой философией, как *sumtum bonum* и таких единиц, как вопрос, ответ, композиция рассуждения и т.д., и т.п.

Старшие софисты, обосновывая трехэлементный характер организации человеческого дискурса — его членение на введение, основную часть и заключение, сумели показать теснейшую связь между доксой, с одной стороны, и номосами, или юридическими законами, политическими договоренностями, инструкциями для государственных служащих, — с другой стороны. Проведенное софистами «очеловечивание» логоса не могло не быть релятивистским и конвенциональным, но, именно в этом смысле являлось не только гуманным, но и демократичным.

Идеалом софистов был социум, состоящий из людей (демокритовских атомов), подчиняющихся не авторитету традиции, а силе авторитетных аргументов, т.е. такой человек, который «не поддается чужому внушению, а сам может внушить кому угодно — **или вообще всему человечеству** (выд. мною- В.Ч.) — все, что хочет, и при этом не погрешит ни против какой «истины», ибо истиной как раз и будет то, что он сумеет сделать вероятным» [1, с. 125].

То, что софисты отдавали явное предпочтение действиям *Homo rhetoricus* перед обязанностями *Homo logicus*, отнюдь не означало, что *Homologicus* рассуждения игнорировали каноны логики, или являлись сознательными логическими ошибками — софизмами. Проведенная исследователями специальная реконструкция аргументации ученика Протагора Горгия в таких, дошедших до наших дней знаменитых произведениях, как «Похвала Елены» и «Защита Паламеда»,

свидетельствует о том, что рассуждения в них были построены по форме *ponendo ponens* (если *P*, то *Q*; *P*, следовательно, *Q*), т.е. с соблюдением правил условных силлогизмов [9, S. 69,73]. Аргументация для софистов была не просто вербальной, а вербальной и рациональной социальной деятельностью убеждения.

Для более глубокого понимания смысла приведенного выше истолкования смысла аргументации софистами, следует помнить о том, что «греческий разум формировался не столько в ходе *обращения* людей с объектами, сколько во *взаимоотношениях* самих людей. Он развивался не только *в связи* с техникой, посредством которой воздействуют на внешний мир, сколько *благодаря* технике, которая воздействует на других и основным средством которой служит язык, а именно: политике, риторике, дидактике» [3, с.158-159].

То, что предметной областью риторики является человеко-размерное знание, знание правдоподобное и вероятностное, еще не свидетельствовало о наличии для построенной на его фундаменте риторики как науки одной, единственной перспективы реально существовать лишь в виде ситуативного мнения и(или) контекстуально обрамленного искусства (техне) убеждения. На это впервые обратил внимание еще Платон.

Согласно Платону, если философия (диалектика) интересуется знанием истинным (эпистеме), то в риторике анализируется знание правдоподобное (докса). Первое знание – убедительно уже само по себе, тогда, как второе относительно убедительно, т.е. убедительно в зависимости от своего носителя, средства, адресата.

С этой точки зрения, риторика могла быть философски необоснованной (существуя в качестве риторики шарлатанов, которые были подобны врачам, берущимся лечить любую болезнь, не зная ее причин),

и риторикой философски обоснованной, которая так же, как и диалектика не порывала с эпистемой.

В философской, или истинной риторике, согласно Платону, эпистема реализуется в виде истинных типов человеческой души, а также форм бытия государственного управления.

Смысл философски обоснованной риторики Платон специально разъяснил в диалоге «Горгий».

Для этой цели древнегреческий мыслитель обратился к мифу, рассказывавшем об особенностях правосудия в загробной жизни.

Согласно мифу, первоначально боги придерживались правила, согласно которому, человек, живший по правде и справедливости, после смерти попадал на остров блаженных, тогда, как люди нечестивые при жизни попадали в Тартар — место кары и возмездия. Суд при этом вершился легко и быстро — всего за один день.

Однако, многие из его приговоров выносились явно поспешно, а на остров блаженных стали попадать и недостойные обитатели, что, собственно, и побудило правителей острова обратиться с жалобой к Зевсу.

Зевс, прежде всего, выявил причину плохого правосудия. Она заключалась в том, что души недостойных людей нередко были облачены в красивые одежды, что и вводило скорых на решение судей в заблуждение. Поэтому, рекомендовал Зевс, необходимо перестроить саму систему правосудия. Во-первых, необходимо добиться того, чтобы подсудимые представляли перед правосудием нагими, и заранее не знали о дне своей кончины. Во-вторых, нагими необходимо было быть также и самим судьям, которые также должны были быть...неживыми. Согласно мифу предполагалось, что только освобождение человека от всего внешнего и живого (достигаемое через смерть и наго-

ту) и позволит рассчитывать на свершение подлинно справедливого правосудия.

Из платоновского мифа несложно вывести мораль относительно содержания и природы риторики. До тех пор, пока риторика будет иметь дело с мнениями людей, она не может быть надежным инструментом правосудия, и, наоборот, если предметом риторики будет не докса, а эпистема, вполне возможна истинная риторика, иначе говоря, такая риторика, в которой убеждение становится *контактом человеческих душ*. Арбитром данного контакта, очевидно, может выступать или первая философия, или инстанция божественного.

Сферой реализации истинной риторики, согласно Платону, могло быть только идеальное государство, основанное на справедливости, благе, красоте и истине. В то время, как неправильные формы государства, личности и души, например, тимократическое политическое устройство, могло быть связанным лишь с мнимой, или плохой и философски необоснованной риторикой. Поясним это чуть подробнее.

Тимократия, как власть честолюбцев, согласно Платону, реализовывалась через социализацию человека на основе не убеждения, а физического насилия. Данная модальность социализации изначально отличала человека тимократического типа от слова и философии. Тимократический человек, в изображении Платона, существо необразованное, не умеющее обращаться со словом, привыкшее послушно подчиняться властям. Очевидно, что для тимократического человека, истинная риторика убеждения и избыточна, и неприемлема.

Для интересов и потребностей тимократического человека, вполне возможно, поэтому, ограничиться неистинной риторикой, имеющей, например, вид манипулирования настроениями его души.

Наоборот, способом существования истинного аристократического человека, согласно Платону, является не принуждение, а убеждение, слово. Вот почему истинная риторика, как наука об убеждении истинным словом, согласно «Горгию», вполне реализуема в пространстве идеального государства (политеи). Следовательно, несмотря на то, что Платона иногда и до сих пор изображают в качестве противника любой риторики, следует иметь в виду, что великий древнегреческий философ не только искусно пользовался риторическими приемами в своих произведениях, но и проводил различие между истинной (хорошей) и плохой, или ложной риторикой, и при реализации определенных условий, признавал возможность существования риторики как науки об убеждении в соответствии со стандартами эпистемы.

Почти на то же самое в своей первой философии, а также в трактате, посвященном проблемам риторики, специальное внимание обращал ученик и критик Платона Аристотель, который еще более четко, чем учитель различал доксу, техне (tekne) и эпистему. Для классика античной философии, их различение не могло не быть и строгим, и последовательным, поскольку с помощью данных понятий описывались три, *качественно* отличающихся друг от друга когнитивных реальности.

Если сегодня о генезисе и классическом содержании риторики, как риторики мы не можем, в первую очередь, не судить по работам Аристотеля, то при этом не менее важно научиться не упускать из вида следующее принципиальное обстоятельство: четкое и недвусмысленное определение Аристотелем предмета риторики, причем риторики, не в качестве мнения или искусства, но именно как науки (эпистемы).

Цель риторики, — отмечал Стагирит, — «находить возможные способы убеждения относительно

каждого данного предмета», а ее главная задача — поиск того, что «убедительно для всех людей, каковы они есть» [4, с. 19, 21].

Грандиозный вклад Аристотеля в риторическую часть современной аргументологии до сих пор, однако, мешает оценить, идущая еще от римских ораторов традиция, согласно которой риторика рассматривается не в качестве науки убеждения, но исключительно как искусство говорить красиво. Несмотря на то, что в аристотелевском риторическом наследии проблемы красноречия, действительно, занимали важное место, еще более значимой в нем была тема убеждения и аргументации, поскольку именно убеждение являлось предметом ее изучения. Следовательно, для Аристотеля риторика, прежде всего, была универсальной наукой об убеждении, и лишь во вторую, или даже, может быть в третью очередь, искусством говорить красиво.

Аристотель четко различал два вида убеждения — вербальное, связанное с использованием разума (пистис) и невербальное, базирующееся на физическом насилии.

Факторами вербального убеждения были этос (ethos), патос (pathos) и логос (logos) риторического процесса (адекватный перевод смысла которых на русский язык в отечественных работах, посвященных проблемам риторики до сих пор, заметим в скобках, не сформирован). Разновидностями невербального убеждения для него были подкупы, пытки и т.п. Излишне говорить, что сам Аристотель связывал риторику с пистис, или искусством аргументации как социальной, вербальной, рациональной деятельности убеждения.

Аристотелевское учение о пистис включало в себя следующие компоненты — учение об ораторе и аудитории; а также концепции: исходных посылок аргументации; риторической индукции, риторического

силлогизма (энтимемы); общих и частных топосов убеждения; способов соединения и разъединения аргументов.

Если современными специалистами аристотелевские концепции этоса, патоса и логоса аргументации, а также оратора и аудитории считаются заслуживающими чуть ли механического повторения и некритического усвоения, то другим составным частям аристотелевской науки о пистис повезло гораздо меньше, и многие из них до сих пор неоправданно остаются в тени. Эта тень, как мне представляется, не позволяет также адекватно понять и эпистемологическую природу исходных посылок риторической аргументации. А ведь, согласно авторитетному мнению самого Стагирита, они могут быть трех видов: вероятные, несомненные (необходимые) и случайные.

Другими важнейшими элементами риторического убеждения, или пистис у Аристотеля являются риторическая индукция и дедукция.

Строительным материалом риторической дедукции, согласно Аристотелю, являются топосы, которые бывают двух видов: универсальные и частные. Стагирит, различая два вида риторической дедукции (энтимемы) — показательный и обличительный, отмечал, что различие между ними заключено в следующем: посылки показательной энтимемы признаются аудиторией, и, наоборот, в обличительной энтимеме аудитория не разделяет посылок, используемых оратором.

В «Риторике» Аристотеля было рассмотрено несколько десятков схем аргументации, что, собственно, и дает нам веские основания рассматривать первообраз старой, или классической риторики, по крайней мере, в том виде, который ему придал Аристотель в качестве аргументологического, т.е. имеющего непосредственное отношение к философии теории и прак-

тики аргументации. Философские основания классической, или старой риторики были также тесно связанными с субъект-субъектными, персонифицированными как отношения оратора-слушателя (аудитории) сторонами мыслеречевой коммуникации, ее целями, задачами, правилами, типами.

Схема риторики как науки об убеждении у Аристотеля схематично имела следующий вид. Отправной пункт *пистис* – общие посылки дискурса, разделяемые одновременно и оратором (аргументатором) и аудиторией (слушателем). Опираясь на них, аргументатор находит (изобретает) риторические примеры и энтимемы; затем он располагает их в определенном порядке (например, в начале, середине, конце аргументационного дискурса) и подбирает наиболее убедительные и выразительные языковые и стилистические средства их выражения. Это означает, что аргументация как убеждение в классическом каноне риторики Аристотеля была непосредственно связана и с поиском, и с композицией, и с выразительностью аргументации.

И сам Аристотель, и другие античные риторы для обозначения различных состояний убеждения использовали несколько понятий, среди которых были, как «аргументация», так и «доказательство (подтверждение)», и «вопрошание» и др. [8, Bd.I, S. 148-149].

В I-ом в. до н.э. классический канон риторики как науки был представлен в анонимном трактате, иногда, впрочем, приписываемом Цицерону, – «Риторика к Гереннию».

В нем риторическая наука была представлена в своем классическом и дошедшем до наших дней пятиэлементном виде, в котором уже не только его четвертая и пятая части (соответственно *memoria* и *action*), но и третья (*elocutio*) уже не имели непосредственной связи с задачами аргументации.

В отечественной науке, к сожалению, до сих пор не выработано единого определения составных частей канона риторической науки, смысл первой, второй и третьей частей которой, т.е. *inventio*, *dispositio* и *elocutio*, как мы обосновали в другом месте, наиболее точно выражается с помощью следующих категорий — “поиск”, “композиция”, “экспрессия”.

Уже классическая, или старая риторика включала в себя две, относительно независимые друг от друга ориентации — аргументационно-центричную и экспрессивно-центричную и именно данные ориентации до сих пор по преимуществу и определяют смысл и значение выражения «новая риторика».

2. Новая риторика

В современной литературе в активном обороте находится выражение «новая риторика».

Разумно полагать, что различия между старой и новой риторикой могли актуализироваться всякий раз, когда происходило переосмысление предмета, целей и задач риторической науки или даже поиск ее национальной специфики. Например, для Феофана Прокоповича, современная ему польская риторика по отношению к другим риторическим концепциям была новой. Очевидно, что риторика Аристотеля по отношению к риторике Квинтилиана была в определенном смысле старой, а последняя была старой по отношению к риторике Х.Перельмана.

Наряду с указанными аспектами семантики выражений «старая риторика» и «новая риторика» в современной научной и педагогической литературе все более и более заметным становится другой аспект рассматриваемой семантики. Его смысл можно выразить с помощью вопроса: «А как соотносится, создаваемая тем или иным автором и являющаяся по его собствен-

ной оценке новая риторика, с риторическим наследием?»

Разумно полагать, что методологической матрицей постановки данного вопроса может быть гегелевское снятие. Его использование позволяет выделить три типа отношений между старой и новой риторикой — тождества, различия, противоречия. На первый взгляд, вряд ли какой-нибудь серьезный исследователь возьмется защищать представление о том, что понятия «старой и новой риторики» тождественны или, наоборот, контрадикторны. Действительно, если новая риторика является другим именем для риторики старой, то, напрашивается вопрос, а что же в ее содержании является новым и, наоборот, если старая и новая риторика не имеют ничего общего, то, как можно говорить о том, что одна из них является риторикой вообще.

Вместе с тем в работах отечественных филологов нередко найти утверждения о том, что «теория риторики уже создана и современным исследователям остается лишь комментаторская работа». С другой стороны, не редкостью также являются и прямо противоположные суждения, например, такого вида: «современная риторика является синтезом лингвистики, семантики, герменевтики и т.д. и т.п.», что невольно наталкивает на мысль о том, а является ли современная, или в этом смысле новая риторика, риторикой вообще.

Разбирая особенности семантики понятий «старая риторика» и «новая риторика» важно обратить внимание на то, что в современной научной литературе представлен мультиверсум значений выражения «новая риторика».

Сегодня новой риторикой называют *и научную стадию* развития старой риторики (Й. Коппершмидт), и риторику как науку в отличие от старой риторики, как только искусства (П.Ц. Агаян), и учение о фигурах

речи (льежская группа «ми»), и теорию аргументации (Х. Перельман).

Важное место в мультиверсуме смыслов выражения «новая риторика» занимают также представления о том, что она является теорией взаимопонимания людей (А. Ричардс), системой принципов вербальной коммуникации и персуазивных компонентов работы современных средств массовой информации (СМИ) и др.

Как представляется, в методологическом смысле понятия «старая риторика» и «новая риторика» являются веберовскими «идеальными типами», не имеющими одного единственного референта. Их назначение, как и любого другого идеального типа, состоит в упорядочивании массива знания, его категоризации, систематизации и фиксации преемственной связи.

С этой точки зрения, новая риторика Перельмана, имеющая больше общего с риторикой Аристотеля, чем с риторикой О.Талона, относится к одному массиву знания, а новая риторика льежской группы ми и риторика Квинтилиана к другому. Новую риторика Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки можно, поэтому, назвать аргументационно-центричной риторикой, тогда, как новую риторика льежской группы ми – риторикой экспрессивно-центричной.

Следовательно, анализируя природу как старой, так и новой риторики, очень важно научиться соотносить ее с соответствующими философскими основаниями, в особенности, с методологическими ориентациями. Изучая же философские основания старой и новой риторики, очень важно понять, о каком именно массиве знания, или совокупности философских оснований идет речь, когда используются выражение «старая риторика» и «новая риторика», и какие преемственные связи существуют между старой и новой ри-

торикой и другими массивами знания (философией, логикой, герменевтикой, лингвистикой и пр.).

По нашему глубокому убеждению, и старая и новая риторика являются все же риторикой, а не герменевтикой, стилистикой, грамматикой и т.п., и т.д. Более того, аргументационно-центричное и экспрессивно-центричное обличье риторики, которое, так или иначе, представлено и старой, и в новой риторике не исключают, а дополняют друг друга. В такой перспективе, схемы аргументации, взятые из корпуса аргументационно-центричной риторики вполне можно представить в качестве фигур речи и мысли, т.е. имеющих свое определенное место в корпусе риторики экспрессивно-центричной и, наоборот, фигуры мысли и речи экспрессивно-центричной риторики вполне представимы в виде особых аргументационных конструкций [6, с. С. 39-49].

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Вступительная статья // Идеи эстетического воспитания. М., 1973. Т.1.
2. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. М.:МГУ, 1978.
3. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
4. *Гомперц Т.* Греческие мыслители. СПб, 1913.
5. Риторика // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб, 1899.
6. *Чуешов В.И.* О единстве логики и риторики в анализе аргументационного дискурса // Логико-философские штудии, 2008.- №.6.
7. *Эмпедокл* // Фрагменты ранних греческих философов. М.:Наука, 1989.
8. *Lausberg H.* Handbuch der Literarischen Rhetorik. Munchen, 1973.

9. *Tuszynska-Maciejewska R.* Filozofia w Retoryce Gorgiosza z Leontyny. Poznan, 1987.

Об авторе

Чуешов Виктор Иванович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@pac.by, tchoue@mail.ru.

About author

Prof. Viktor I. Chuyeshov, head of the Department of Philosophical Sciences, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, tchoue@pac.by, tchoue@mail.ru.

И.А. Герасимова
ЛОГИКА МЕЧТЫ ИЛИ НЕВОЗМОЖНОГО

Парадигмальное знание менее всего нуждается в риторике, но в научном поиске на первый план выходит аргументация как особая деятельность по выдвиганию и выработке набора аргументов в поддержку новых идей и технологий. Убедить приходится самого себя, своих коллег, финансовые круги, общественность. В работе показывается, что в процессах формирования нового знания, и тем более в парадигмальных поворотах, аргументация выстраивается на основе усиленной риторики.

Paradigmatic knowledge is hardly in need of rhetoric, but research brings to the fore argumentation as a special activity aimed at the generation and presentation of a set of arguments in support of new ideas and technologies. One has to persuade themselves, their colleagues, financial circles, general public. The article shows that, in the processes of formation of new knowledge, and the more so in paradigmatic turns, argumentation is based on strengthened rhetoric.

Ключевые слова: научный поиск, аргументация, риторика, имя, понятие, невозможное, новые технологии, постнеклассическая методология, брендинг.

Keywords: research, argumentation, rhetoric, name, concept, the impossible, new technologies, post-non-classical methodology, branding.

Парадигмальное знание как ставшее и общепризнанное, закрепленное в образцах решения задач и методологии, менее всего нуждается в риторике, достаточно испытанного метода и доверия авторитету науки. Однако ситуация меняется в научном поиске: при выдвигании новых гипотез, постановке новых задач, обнаружении необъяснимых явлений или процессов, разработке альтернативных технологий. В поиске

на первый план выходит аргументация как особая деятельность по выдвижению и выработке набора аргументов в поддержку рабочей гипотезы, их критическому переосмыслению. В естественных науках критерием отбора рабочих гипотез является их согласованность с наблюдениями, экспериментами, картиной мира, а также наличием математического анализа. Окончательный тезис, как то, что нужно доказать, становится целью, тем, что нужно найти, четко сформулировать и подготовить обоснование. В работе показывается, что *в процессах формирования нового знания, и тем более в парадигмальных поворотах, аргументация выстраивается на основе усиленной риторики.*

В техногенной цивилизации любая новая идея или проект должны получить общественное признание, чтобы получить финансирование и необходимое техническое оснащение для реализации исследований. В фундаментальной науке цена дорогостоящей технической системы порой исчисляется миллиардами долларов.

Еще одна особенность отличает науку XX-XXI вв. от предшествующей истории — более не существует существенного разрыва между фундаментальной и прикладной наукой. Любое достаточно серьезное фундаментальное открытие по мере возможности воплощается в жизнь. В предыдущей истории от мечты до открытия и воплощения могли проходить века и тысячелетия. Например, идея искусственного интеллекта имеет солидную историю: мифический греческий бог Вулкан ковал из золота механических прислужниц, Архит Тарентский заявлял о возможности создать механическую птицу, которая двигалась бы за счет силы пара, уже в I в. Герон Александрийский создавал автоматы, и в том числе автоматический театр. Арабский ученый и изобретатель Аль Джазари (1136-1206) сконструировал лодку и механических музыкан-

тов, которые играли на бубнах, арфе и флейте. Первым реалистичным проектом человекоподобной машины считают чертежи механического рыцаря Леонардо да Винчи (1495), а в 1738 первого робота-андроида, который играл на флейте, построил французский механик и изобретатель Жак де Вокасон. В конце XX в. русский инженер Пафнутий Чебышёв строит стопоход, а серб Никола Тесла демонстрирует первое радиоуправляемое судно. В начале XXв. роботы становятся героями пьес и кинофильмов, а с 30-х гг. стартует робототехника — особая отрасль хозяйства.

В отличие от предшествующей современная неклассическая наука оценивается методологами на предмет *возможности доказательства, возможности эксперимента и возможности реализации*. Уже не считается, что теория обязательно должна быть полной — объяснять и предсказывать все возможные факты, достаточно, что она *работает* в определенных границах (прагматическая ценность). Эксперимент не всегда воспроизводим и не всегда его можно поставить (например, проблема эксперимента в космологии). *Возможность реализации* научных проектов становится критерием научной политики.

В условиях сокращения времени от мечты к ее реализации убеждать приходится многих. Прежде всего, нужно *убедить самого себя*. Идея должна захватить воображение и стать доминантой, стимулирующей творческое горение на многие годы. Роль образнориторического представления идеи в этом смысле трудно переоценить. В детстве — это сказки, мифы, мультики, в отрочестве — научно-фантастические романы и фильмы, в юношестве — научно-популярные журналы, книги, а также интернет. В годы обучения вступает в силу возрастной психологический аспект — романтическое стремление идти наперекор взрослым, возмущение от противного, когда учительница заявля-

ет, что «это невозможно, это из области научной фантастики». Дерзновенное «идти наперекор» поддерживает творческое горение в течение всей жизни. Время от прогностических картин фантастов до их воплощения сокращается, но образование не поспевает за научной мыслью. Подобная ситуация хорошо описана в научно-популярной книге американского физика японского происхождения Митио Какү «Физика невозможного» [4]. Он пишет, что как физик он с детства усвоил, что часто «невозможное» на самом деле, возможно, другими словами, невозможное относительно. Поразительное то, что разрыв между переходом невозможного (теоретически допустимого, но практически неосуществимого) в реально возможное, преодолевается на протяжении жизни одного поколения, но консервативное социальное восприятие не успевает адаптироваться к стремительным изменениям жизни. Какү пишет: «С детства помню, как учительница однажды подошла к висевшей на стене карте Земли и указала на побережье Южной Америки и Африки. “Не странно ли, — спросила она, — что две береговые линии совпадают, почти как детали детской головоломки?”. Еще она сказала, что некоторые ученые рассуждают о том, что когда-то эти материки были, возможно, частью одного громадного континента. Но это глупо. Никакая сила не в состоянии разорвать и растащить два гигантских материка. “Это невозможно, и даже думать об этом не надо”, — сделала вывод учительница» [4, с. 9-10]. Согласно общепринятой геологической концепции, гигантские тектонические плиты, из которых состоит внешняя твёрдая оболочка Земли, постоянно движутся относительно друг друга, а вместе с ними и материки. Кажущаяся неподвижной земная оболочка скорее напоминает хрупкую литосферную корку, состоящую из целостных блоков, плавающих в пластичной астеносфере: толщина океани-

ческой коры всего 5-10 км, а континентальной — от 30 до 80 км. Вспоминается упорство, с которым средневековое обыденное сознание не могло никак представить подвижность Земли — «ведь она такая тяжелая»! Торжество идеи гелиоцентризма явилось знаковым событием для научной революции Нового времени, а в век научно-технического развития взрывные революции стали перманентными.

Высказывания о будущем, выдвижение гипотез просто невозможны без риторических средств, которые призваны «раскрутить» энергию мысли и цементировать научное сообщество. Метафоры, яркие образы, преувеличения, парадоксальные ходы организуют и стимулируют и индивидуальное, и коллективное мышление. В книге Какú приводится немало афоризмов на эту тему: «Если в первый момент идея не кажется абсурдной, то она безнадежна» (Альберт Эйнштейн), «Если за целый день вам не попалось ничего странного, значит день не удался» (Джон Уилер), «Только те, кто пытается сделать абсурдное, добиваются невозможного» (Мориц Эшер), «Прекрасно, что мы встретились с парадоксом. Теперь можно надеяться на продвижение вперед» (Нильс Бор).

Творчество всегда сопровождается нововведениями в языке. Дать имя обнаруженному явлению, новой идее или направлению — вдохнуть в нее жизнь. В истории открытий химических элементов имена давались по разным основаниям. В глубокой древности часто по внешнему виду: серебро — «белый, блестящий», золото — «желтый, золотистый», железо — «кровавый». История именования водорода говорит о том, что не сразу формировалось и понятие об элементе и само имя. Выделение горючего газа при взаимодействии кислот и металлов наблюдали в XVI-XVII вв. Английский химик Генри Кавендиш в 1766 г. назвал этот газ «горючим воздухом», поскольку при сжигании он

давал воду (внешний признак). Француз Антуан Лавуазье совместно с инженером Менье, используя специальные газометры, в 1783 г. осуществил синтез воды, а затем её анализ, разложив водяной пар раскалённым железом. Таким образом, он и установил, что «горючий воздух» входит в состав воды и может быть из нее получен. Лавуазье дал новое имя, отражающее существовавшее свойство. Греч. «hydrogen», а русское водород означают «рождающий воду». В XX в. наблюдается сильный крен в сторону субъектного аспекта познания. Появляются названия элементов, увековечивающие ореол человека — «в честь заслуженных ученых и деятелей культуры» — эйнштейний, менделевий, нобелий, резерфордий, коперниций, кюри и т.д., «в честь места открытия», «в честь родины», «в честь континента» — берклий, дубний, дармштадтий, калифорний, франций, европий, америций и т.д. Полученные искусственным путем последние элементы имеют пока временное название, указывающее на порядковым номер в периодической таблице. Например, унунквадий, лат. — 114, унунсептий — 117.

Динамика современной жизни усиливается переменчивыми вкусами моды и технологиями брендинга. Стоит дать новое название исследованиям, которые уже имеют историю, как мастера брендинга всемерно насаждают восторги по поводу технического чуда. В 1959 г. Ричард Фейнман высказал идею манипулятора, способного передвигать одиночные атомы, в 1974 г. Норио Танигути впервые употребил термин «нанотехнология», в 80-х Эрик К. Дрекслер убедил коллег математическими расчетами, с помощью которых можно анализировать расчеты устройства размером с несколькими нанометрам. Работы академика Ж.И.Алферова по полупроводниковым гетероструктурам были начаты еще в 60-х гг. «Новым “нано” оказалось для высокого начальства, а также для тучи псев-

дотехнологов, неизвестно откуда появившимся в последнее время», — отмечает специалист в этой области чл. корр. РАН Н.Н. Сибельдин [12, с.1]. Напомним, что история фундаментальной науки — физической химии уходит вглубь XVIII в. Так, в 1752 М.В. Ломоносов впервые прочел студентам Петербургского университета «Курс истинной физической химии».

Для теоретических работ качество новизны является обязательным. Дать имя новому понятию безопасней для социального восприятия и принятия, чем вводить новые смыслы при старом названии. Последнее может вызвать яростное отторжение либо в силу инерции рефлекторного мышления (догматизм как отрицательный аспект), либо по причине неопределенности в отношении эффективности новых гипотез (положительная консервативность). Успех финансирования, признание приоритета во многом зависят от искусности именованья в представлении нового направления. В этих целях оказываются эффективным кальки с других языков. Если мы скажем, «коллективное действие» или «совместное действие», то вряд ли это привлечет внимание. Греческое слово «синергия» — «совместное действие» звучит приятно и привлекает неискушенное восприятие. В физиологии этот термин используется для обозначения совместной работы мышц, в компьютерных науках — для отражения непрерывного сотрудничества между машиной и оператором. В 1967 г. Герман Хакен, опираясь на греческий аналог, определяет термин «синергетика», позиционируя новую парадигму междисциплинарных исследований, которые ставят своей задачей изучение сложных, эволюционирующих, самоорганизующихся систем [9]. Штутгартская школа Хакена имеет солидный перечень публикаций в шпрингеровском издательстве по методологии синергетики в самых различных областях от задач лазерной тематики до искусственного

интеллекта (69 томов). Брюссельская школа Ильи Пригожина предпочла не использовать термин «синергетика», отделив свое оригинальное направление языковыми средствами в названии — «методология диссипативных структур» или «неравновесная термодинамика». В отечественной науке употребляются оба термина, а в гуманитарном расширении методологии самоорганизации, разумеется, предпочтительней термин «синергетика» (например, «синергетика языка»).

«Аргумент к публике» в эпоху масс-медиа расширяется до интернетовской публики и читателей массовых научно-популярных журналов. Поддержка нового направления широкой общественностью необходима не в последнюю очередь благодаря утверждению *принципа участия*, согласно которому при принятии крупных технических проектов обязательна поддержка населением. Повсеместный диалог составляет один из принципов или трансдисциплинарности [6]. Когнитивный принцип аргументации «говорить по сознанию» обуславливает и риторику — усиливается образность выражений. Актуальность диалога науки и вненаучных сфер культуры, Запад и Востока отразилась в названиях книг по физике: «Дао физики» Ф. Капры, «Квантовая магия» С.И. Доронина, о прорывах в мировоззрении говорят сами названия — «Физика невозможного» Митио Какү, «Физика нереального» Олега Фейгина.

Компьютерная визуализация становится одним из эффективных приемов риторики и аргументации. Если риторику понимать в самом широком смысле, то можно говорить о «риторике слова» и «риторике символа» («символической риторике»). Визуализация или наглядное представление может стать решающим критерием при принятии новой гипотезы. И понятие, и название термина «тёмной материи» или «тёмного вещества» («darkmatter») в космологии и астрофизике

вводились в научный оборот «через тернии и звезды». «В течение XX в. астрофизики постепенно пришли к заключению, что в видимых и ставших привычными образах галактик содержится не более 10% реально содержащейся во Вселенной материи. Примерно на 90% Вселенная состоит из материи, форма которой остается для нас тайной, поскольку наблюдать ее мы не можем, и по совокупности вся эта материя получила название тёмной материи»¹ [8]. О скрытой массе вещества астрономы заявляли в случаях, когда наблюдаемое расходилось с расчетами, в соответствии с признанными закономерностями. Так, в 1933 г. о более сильном гравитационном поле, чем видимая масса вещества, удерживающем скопление галактик в созвездии Волосы Вероники, заявил швейцарский астроном Фриц Цвики. Но это заявление научную общественность не убедило. В 70-е годы появились первые компьютерные модели Вселенной, которые не работали — галактики распадались. Лишь расчеты и наглядные картинки научной сотрудницы Института Карнеги (Вашингтон) Веры Рубин (70-е гг.) стали решающими в принятии гипотезы тёмной материи. На графиках было убедительно показано, что законы Кеплера не работают при вычислении скорости вращения вокруг галактического центра вещества, расположенного на периферии галактик. Для многих галактик удалось показать, что скорость остается почти постоянной, что можно объяснить только одним способом — плотность вещества не убывает при движении от центра, а остается неизменной, но в таком случае должно существовать невидимое нечто, чего примерно в 10 раз больше, чем обычного вещества.

---

¹ В стандартной модели различают скрытую массу или тёмную материю (22%) и тёмную энергию, отвечающую за ускоренное расширение Вселенной (74%), 3,6 % приходится на межзвездный газ и 0,4% на все видимое вещество звезд, планет и человека.

Визуализация оказывает бесценную услугу для расширения сознания, выводя воображение за пределы обыденных представлений. В упрощенной модели Миллна Вселенная расширяется из одной центральной точки. Это представить несложно, но в классической модели Фрийдмана принимается положение, известное и восточной, и западной философской мысли (Ник. Кузанский) – «центр везде и нигде одновременно». Наглядная картинка надуваемого воздушного шарика с нарисованными предметами создает убеждающий образ теоретически сложного положения.

Самое тяжелое и почти невозможное – это переубедить своих оппонентов. Характерная черта полемики в нашей стране: с созданием Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН в ход пошли *аргументы от псевдонауки*. Провести четкую демаркационную линию между «наукой» и «псевдонаукой» оказывается не так-то просто. В интересном исследовании Ю.Л. Халтурина анализируется пример первой полемики между «учеными» и «псевдоучеными» о медиумизме, которая развернулась в 70-х гг. XIXв. между А. Аксаковым, А. Бутлеровым, В. Вагнером, с одной стороны и Д. Менделеевым – с другой [10]. Автор вводит исторический критерий, который определяет «псевдонауку» как допарадигмальную стадию развития новых форм научного знания. Официальная парадигмальная наука в борьбе с нововведениями готова использовать аргументативные стратегии, которые расходятся с научной этикой: замалчивание и фальсификация фактов, игнорирование фактов. Важно то, что отсутствие теории, объясняющей свидетельства, полученные научными методами в научных лабораториях, и по сей день приводит к тому, что научные исследования и проводимые эксперименты, касающиеся неразгаданных тайн мозга,

получают статус псевдонауки и более того — лженауки[10, с.183.].

Уже упоминались книги Митио Каку «Физика невозможного» и Олега Фейгина «Физика нереального», которые посвящены темам, обсуждаемым в научных кругах, но для обыденного ума кажущимися в лучшем случае фантастическими, а то и бредовыми. Сами названия имеют налёт тайны и чудесного, но в то же время побуждают задуматься над природой возможного и невозможного. Можно предложить логикам призадуматься над девизами физиков: «Все, что не запрещено, обязательно!» (Т.Х. Уайт), «Все, что не есть невозможное, обязательно» (М. Каку).

Каждый из упомянутых авторов предлагает свой язык говорения о «возможном невозможном» будущем. Каку выделяет три категории невозможного: невозможное 1 класса — это технологии, которые сегодня невозможны, но не нарушают известных законов природы (телепортация, двигатели на антивеществе, некоторые формы телепатии, телекинез и невидимость). Невозможное 2 класса — технологии, которые лишь недавно появились на переднем крае наших представлений о физическом мире. О них можно утверждать крайне условно: «если они вообще возможны, то их реализация представляется растянутой на тыс. или млн. лет» (машины времени, путешествия сквозь кротовые норы). Невозможности 3 класса нарушают известные физические законы (вечный двигатель, предвидение будущего). В классификации физика М.И. Каганова, которой придерживается Фейгин, выделяются паранаучные сообщения — построенные по канонам современного научного знания, но не подтвержденные (или частично подтвержденные), метанаучные сообщения — наукообразные, включающие эксперименты далекого будущего, квазинаучные сообщения — «содержащие нечто, уведшее докладчика далеко за границы

познанного, что представить экспериментальную проверку теории как бы и невозможно». Очевидны критерии этих квалификаций, это — открытые и признанные законы, закономерности и соответствия им, экспериментальная проверка, возможности реализации идей.

В свое время, размышляя над проблемой статуса невозможного, я пришла к выводу о том, что самое трудное определить *невозможное в принципе*. Прочувствовать, что такое проблема, предлагалось студентам на примере следующей игры, которую я назвала «На грани познанного/непознанного». Задание предполагало постановку вопросов по следующей классификации [1]:

1) вопрос, ответ на который возможен сейчас (в данной конкретной ситуации после небольшого раздумья его можно сформулировать);

2) вопрос, ответ на который возможен, но требуется провести дополнительное исследование источников (найти литературу, изучить, проделать аналитическую работу и пр.);

3) вопрос, ответ на который возможен, но требует новых решений (нужно провести эксперименты, создать новые технологии, концепции и пр.). Вопросы третьего типа называются проблемами, их решение достаточно реально сегодня);

4) вопрос, ответ на который невозможен, поскольку требуемая дополнительная информация недоступна (или невозможно ответить по какой-либо иной причине). Вопросы четвертого относительно невозможны относительно: либо стратегически в будущем они могут стать проблемами, либо невозможно ответить сейчас по прагматическим причинам.

5) Вопрос, ответ на который невозможен в принципе, поскольку есть непреодолимые трудности.

Пятое задание *недоопределено*, поскольку не ясно, что понимать под возможным и невозможным. Над этим стоит задуматься. Любая научная проблема, если она правильно поставлена, не невозможна в своем решении или сейчас, или в будущем. Что же может быть *невозможным в принципе*? Определимся для начала с видами возможного.

В аспекте наших рассуждений («мыслимая ситуация возможна») возможно то, что прямо соответствует принципам, правилам, признанным системам знаний, проверенным стратегиям рассуждений. В этом смысле возможное понимается, как то, что *разрешено, допустимо относительно заданной мыслимой системы*. В расширительном смысле, возможно то, что *согласуется с общими принципами* некоторого подхода, при этом частные правила этого подхода можно откорректировать, если необходимо (так называемая возможность относительно стратегических правил). Наконец, при смене парадигм меняют и сами принципы, утверждая новые возможности (возможности относительно глобальных стратегий, например, научных картин мира). Сказанное распространяется на нормы, оценки, ценности и цели. В аспекте действий («возможно сделать») требуется уточнение конкретной ситуации. Для кого возможно? При каких условиях возможно? При каком уровне практики и техники возможно? В аспекте *совместного исследования* возможность предполагает способность ассимилировать индивидуальные картины мира, мнения, опыт и пр., а также умение совмещать, синтезировать иное и противоположное. В творческом аспекте возможное — это то, что ускользает от внимания (неявное, фон), но может быть открыто для наблюдения, понимания, осознания путем исследования. Если удастся обнаружить «логику вещей» или «логику событий», на языке прогностики — выявить тенденцию, то, продолжая данную тенденцию, можно создавать

мыслимые модели ситуаций будущего (поисковый прогноз). Если достаточно воли и воображения, то, сопрягая возможное (ресурсы) с желаемым (целями) планируют события будущего (нормативный прогноз). Создавая собственное будущее, учитывают динамику противостоящих сил, описывая *возможности с учетом противодействий*. В перспективе времени и с учетом условий различают *реальные* и *потенциальные* возможности — как то что можно сделать «здесь и теперь» или при выполнении некоторых условий, в перспективе или ретроспективе. «*Логически возможное, но фактически невероятное*» оказывается полезным в целях «проигрывая в уме» интересующих ситуаций. В таких случаях говорят о мысленном эксперименте. В исторической-ретроальтернативистике, занимающейся моделированием исторических ситуаций с изменением некоторых обстоятельств, решений лиц, поступков и пр. — «как если бы», — рассматривается проблема включения реальных возможностей в состав бытия.

Что же тогда в принципе невозможно? Можно ориентироваться на положение, что *невозможное в принципе* должно противоречить основам жизни (бытия) во всех мыслимых аспектах. В качестве рабочего я бы предложила следующее определение: *в принципе невозможно то*, что логически невозможно (бессмыслица и абсурд), физически невозможно (противоречит законам природы), космически невозможно (противоречит вселенским основам жизни и стратегической направленности космической эволюции). Простое размышление над типами вопросов, которые мы задаем, привело к осознанию необходимости развития целостного мышления, о котором не дает покоя мысль о будущем человечества и цивилизации. Стратегическое направление эволюции природы и более того — космической эволюции, трудно представить, но не стоит всецело относить этот вопрос к сфере трансцендентно-

го. Чуткость к глобальным эволюционным сдвигам придет с развитием прогностической способности, становление которой можно наблюдать в наши дни. Замечу, что искусство мыслить будущее не совсем пророчество в древнем понимании. Для развитого интеллекта знание будущего не тождественно знанию прошлого, которое апеллирует к фактам. Знание будущего составляют проблемы, просмотр последствий уже свершившихся действий, мечты и творческие проекты будущего. Прогнозирование отдаленного будущего предполагает развитие холистического (целостного) мышления, сочетающего профессиональные знания и интуицию с гуманитарным пониманием целей и направлений культурного развития. Истинное искусство мыслить будущее призвано соединять в себе начала этики (мысль о благе всех), эстетики (чувства гармонии целого) и науки (доказательной истины) [2].

В когнитивном аспекте представляет интерес сопоставительный анализ картин мира и особенностей опыта, который в скрытых предпосылках направляет те или иные представления. Ученые, увлекающиеся перспективами науки, нередко пренебрегают культурой, придерживаясь мнения об исключительности современной цивилизации и ее науки: «таких достижений человеческого разума не было ранее в прежней примитивной истории» (в предпосылке этих воззрений — линейность прогресса). Выражая, во многом справедливо, негативное отношение к серии брошюр «Знак вопроса», которые выпускало всесоюзное издательство «Знание» с начала 90-х гг., Фейгин сурово заклеил журналистов и писателей, которые не смогли отделить науку от шарлатанства, но при этом сама современная наука почему-то оказалась в изоляции от истории человеческой мысли и культуры в целом: «Потенциал современной науки колоссален, трудно прост охватить внутренним взглядом все разделы той

же теоретической физики. Именно поэтому при встрече с неведомым необходимо не размахивать игрушечным “силовым мечом джедая” нетрадиционных знаний, а смело рубить гордые узлы тайн и парадоксов испытанным оружием настоящей науки» [11, с.6].

Меж тем то, что невозможно для научного познания (соотнесенность с законами, возможностями реализации, практикой) оказывалось возможным для культуры. И философское, и художественное мышление обладает несравненно большей степенью свободы в воображении. Вряд ли роль философии можно переоценить: там, где кончается наука, начинается философия. Нетрудно заметить, что теоретики-физики во многом приходят к идеям, когда-то прозвучавшим в философских и духовных учениях. Одни философские учения можно назвать спекулятивными в аспекте связи с опытом, другие — проникнуты гениальной интуицией, но третьи были напрямую связаны с опытом. Возможности человеческой психики давно были осознаны в практиках самореализации, боевых искусствах, йоге, при изучении природы гениальности, но эти возможности реализовывались только локально, в малых лабораториях человеческого разума. В приведенном примере по истории изучения медиумизма позитивными методами исследователь Халтурин приходит к выводу о новом допарадигмальном этапе научного поиска, но я бы поставила вопрос шире. Идет борьба за будущее *цивилизационных парадигм* — техногенной и нетехногенной типов цивилизации, конкуренции технологий и технической аппаратуры, с одной стороны, с естественным психофизическим аппаратом человека, с другой стороны. Те перспективные технологии, о которых идет речь в работах по физике, имеют под собой теоретические обоснования, в которых ссылаются на открытие новых видов материи,

новых ее свойств, уточнение наблюдений, переосмысление прежних приближенных экспериментов и связанных с ними закономерностей. И телекинез, и телепортация, и телепатия, и невидимость можно объяснить на языке современной физики и ее математического аппарата. Однако, встает вопрос — а почему бы человека не рассматривать как квантовую систему или систему физических полей, как известных, так и неизвестных? Допуская нераскрытый природный потенциал в человеке, стоит отдать должное практикам самореализации и йоги, добившимся успехов в изучении сознания, поведавших миру об удивительных феноменах природы и давших имена этим феноменам. Небезынтересно взглянуть на современную науку в точки зрения реализовавшихся йогоинов: ученые (и человечество в целом), благодаря техническому творчеству, находятся на уровне осознания фундаментальных идей. Осознание идеи и возможности ее воплощения расценивается как непреложный начальный этап в отношении дальнейшего свободного (психофизического) действия (творчества как овладения принципом).

Кроме техногенной, набирает силу альтернативная тенденция на сближение Запада и Востока, естественнонаучного и гуманитарного знания: распространение квантового и энергетического мировоззрения в физике ставит вопрос сначала о наблюдателе (копенгагенская интерпретация и интерпретация Эверетта), а затем и о природе самого сознания. Появляются научно обоснованные интерпретации квантовой теории, в которых существенным образом задействовано понятие «сознания». Так, специалист по квантовой теории поля М.Б. Менский в своих книгах, обсуждая нерешенные проблемы квантовой механики, при новом понимании параллельных миров Эверетта конструирует модель, в которой существенным образом задействованы необычные феномены сознания. Поня-

тие «корня сознания» в предлагаемой модели отражает некоторые буддийские представления [7].

С 1990 г. пристально изучается длительная переписка лауреата нобелевской премии Вольфганга Паули с известным психологом Карлом Густавом Юнгом. Эту плодотворную переписку (с 1932 по 1958 г.) ныне считают отправной точкой в будущем единении естественнонаучного и гуманитарного знания. Большая часть понимания «синхроничности» Юнга — заслуга Паули, он же оказал влияние и на становление понятий «коллективного бессознательного» и «архетипа». Дискуссионная до сих пор проблема психофизического решалась мыслителями в недвойственном ключе: Юнг через *unusmundus* обозначал «единый мир», а Паули признавал психофизическую природу единения, коренное единство духо-материи.

Судьбоносные цивилизационные споры будут продолжаться в различных проявлениях, но ясно одно: без культуры технического гения человечества невозможен в принципе. Это противоречит основам бытия.

Список литературы

1. Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации. М.: Логос. 2007.
2. Герасимова И.А. Учиться мыслить будущее // Эпистемология и философия науки. №1, 2010.
3. Доронин С.И. Квантовая магия. СПб: Весь. 2007.
4. Каку М. Физика невозможного. М.: Альпина нон фикшен. 2010.
5. Капра Ф. Дао физики. СПб.: «Орис», «Яна Принт». 1994.
6. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН 2009.

7. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания. Фрязино: Век 2. 2005.
8. Тёмная материя // Природа науки // Энциклопедия. <http://elementy.ru/trefil/21078> (24.09.2010).
9. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир. 1980.
10. Халтурин Ю.Л. Русские позитивисты за медиумистским столом или об относительности понятия «псевдонаука» // Эпистемология и философия науки. №4, 2009.
11. Фейгин О.О. Физика нереального. М.: Эксмо. 2010.
12. Что там, в одной миллиардной части метра? Интервью члена-корреспондента РАН Н.Н. Сибельдина // Российская философская газета. №10(48) октябрь 2010.

Об авторе

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, home_gera@mail.ru.

About author

Prof. Irina A. Gerasimova, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, home_gera@mail.ru.

В.К. Ермолаев
PERSUADER/CONVAINCRE (PERSUADING/CONVINCING) – ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗЛИЧЕНИЯ ДВУХ ВИДОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается проблема перевода на русский язык двух терминов, играющих важную роль в теории аргументации:

persuade/convince (persuader/convaincre). Для перевода *convince* подходит глагол «убеждать», но для перевода *persuade* трудно подобрать устойчивый эквивалент. Отсутствие в русском языке лексической пары, соответствующей *persuade/convince*, создает большие трудности для перевода иноязычных текстов и теоретических рассуждений.

This paper addresses the problem of translation into Russian of two terms crucial for argumentation theory – persuade/convince (persuader/convaincre). The absence of a lexical combination corresponding to persuade/convince in the Russian language creates difficulties translating foreign texts and theoretical arguments.

Ключевые слова: *убеждать, persuade, convince, «Новая риторика», перевод на русский*

Keywords: *persuade, convince, “The New Rhetoric”, Russian translation*

На русский язык «Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытеки в полном объеме еще не переводилась, и одна из трудностей, с которой придется столкнуться будущему переводчику этой книги, — поиск русских эквивалентов для пары терминов *persuader/convaincre*. Шестой параграф книги называется «*Persuader et Convaincre*» [29, Р. 34] и посвящен важной теме — различию между «логической», «объективной», «рациональной» и «не-логической», «субъективной», «не-рациональной» аргументацией. По сути, речь идет

о старом споре между «философами» и «риторами». Оппозиция, выраженная этими двумя терминами, играет важную роль не только в тексте «Новой риторики», но и во многих других классических философских текстах. Удачный выбор русских терминов для передачи смысловых оттенков *persuader/convaincre* имеет, поэтому, большое значение для рассуждений о соотношении логики и риторики. К сожалению, в русском языке отсутствуют слова, которые без всяких оговорок могли бы использоваться для этой цели. Ниже мы обсудим проблему с «филологической» точки зрения.

Для начала обратимся к английскому переводу «Новой риторики». Шестой параграф называется здесь «Persuading and Convincing» [30, P. 26]. В английском языке французской паре *persuader/convaincre* по смыслу и этимологии соответствует пара *persuade/convince*. Происходят эти глаголы (как английские, так и французские) от латинских глаголов *persuādēre* и *convincere*.

Латинское *convincere* образовано сочетанием глагола *vincere* (побеждать, одерживать верх) и интенсифицирующей приставки *con-* [36]. На русский язык этот глагол переводится как «уличать, доказывать» [4, с. 259].

Латинский глагол *persuādēre* состоит из интенсифицирующей приставки *per-* и глагола *suādēre* (советовать, уговаривать) [35]. На русский язык переводится как «убеждать, уверять, побуждать, склонять, уговаривать» [4, с. 757].

Глагол *suādēre*, в свою очередь, связан с прилагательным *suāvis*, которое происходит от индоевропейского корня *svād* (вкус) [36] и означает «приятный, привлекательный, вкусный, сладкий» [4, с. 960]. Таким образом, буквально *suādēre* означает «делать что-то привлекательным (для кого-то)» [22].

Смысловое различие между английскими глаголами *persuade* и *convince*, в соответствии с их этимологи-

ей, заключается в следующем: *convince* означает «привести кого-либо к твердому убеждению или определенному образу действий с помощью рассуждения или свидетельства», а *persuade* – сделать это либо теми же средствами, либо с помощью просьбы, «личного влияния».¹ Последняя альтернатива – при широком («риторическом») понимании *persuade* – включает многообразные способы не-рационального воздействия, от эмотивного значения слов до драматических жестов².

Обсуждая традиционное различие *persuader* и *convaincre*, авторы «Новой риторики» ссылаются как на английские тексты («Элементы риторики» Ричарда Уэтли, «Этика и язык» Чарльза Стивенсона), так и на французские («Эмиль» Руссо, «Мысли» Паскаля, «Трактат о психологии» Жоржа Дюма), из чего следует, что пары *persuader/convaincre* и *persuade/convince* рассматриваются ими как тождественные по смыслу.

Следует отметить также, что в старых классических текстах (например, «Элементах риторики» Уэтли) различие между *persuade* и *convince* приобретает характер оппозиции: *convince* относится лишь к формированию мыслей (убеждений), а *persuade* связано, главным образом, с побуждением к действию. Именно поэтому в «Новой риторике» говорится: «Для человека, стремящегося к результатам, *persuading* имеет преимуще-

---

¹ «Convince: to bring by the use of argument or evidence to firm belief or a course of action». – «Persuade: to induce to undertake a course of action or embrace a point of view by means of argument, reasoning, or entreaty... *Persuade* means to win someone over, as by reasoning or personal forcefulness» [21].

² «The most important of the nonrational methods will be called "persuasive," in a somewhat broadened sense. It depends on the sheer, direct emotional impact of words -- on emotive meaning, rhetorical cadence, apt metaphor, stentorian, stimulating, or pleading tones of voice, dramatic gestures, care in establishing *rapport* with the hearer or audience, and so on» [34, P. 139]. – «In being persuaded, a person is satisfied with affective and personal reasons». – Georges Dumas. *Traité de psychologie*. (Цит. по английскому переводу «Новой риторики» [30, P. 27].)

ство перед *convincing*, поскольку *conviction* — это лишь первая стадия на пути к действию» [30, P. 27].

Воспользуемся цитатами из сочинений Руссо и Паскаля, которые приводятся в «Новой риторике», чтобы выяснить, каким образом переводчики этих текстов решали интересующую нас проблему.

Фраза из «Эмиля», частично приведенная в «Новой риторике»³, полностью (в оригинале) выглядит так: «Il est aisé de *convaincre* un enfant que ce qu'on lui veut enseigner est utile: mais ce n'est rien de le *convaincre*, si l'on ne sait le *persuader* [здесь и ниже, в цитатах и их переводах, курсив мой — В.Е.]» [31].

Английский перевод Барбары Фоксли: «It is easy to *convince* a child that what you wish to teach him is useful, but it is useless to *convince* if you cannot also *persuade*» [32].

Русский перевод П.Д. Первова: «Легко *доказать* ребенку полезность того, чему хотят его научить; но это *доказывание* не имеет никакого значения, если не умеют его *убедить*» [15].

Таким образом, паре *convaincre/persuader* в русском переводе соответствует пара *доказать/убедить*.

К этому примеру можно добавить фрагмент из «Общественного договора» Руссо: «Ainsi donc le législateur ne pouvant employer ni la force ni le raisonnement, c'est une nécessité qu'il recoure à une autorité d'un autre ordre, qui puisse entraîner sans violence et *persuader* sans *convaincre*» [33].

Русский перевод: «Так, Законодатель, не имея возможности воспользоваться ни силою, ни доводами, основанными на рассуждении, по необходимости прибегает к власти иного рода, которая может увлекать за собою, не прибегая к насилию, и *склонять* на свою сторону, не прибегая к *убеждению*» [16, с. 181].

---

³ «Rousseau considered it useless to convince a child "if you cannot also persuade him"» [30, P. 27].

Здесь, как мы видим, пара *доказать/убедить* заменена другой: *убедить/клонить*. В первом случае *убедить* относится к *persuader*, а во втором — к *convaincre*. Это показывает, насколько трудно подобрать к французским (английским) терминам устойчивые русские эквиваленты.

Еще один классический текст, который упоминается в «Новой риторике» в связи с различием *convaincre* и *persuader* — фрагмент 821 (252) из «Мыслей» Паскаля:

«Car il ne faut pas se méconnaître, nous sommes automate autant qu'esprit. Et de là vient que l'instrument par lequel la *persuasion* se fait n'est pas la seule démonstration. Combien y a(-t)-il peu de choses démontrées? Les preuves ne *convainquent* que l'esprit, la coutume fait nos preuves les plus fortes et les plus crues. Elle incline l'automate qui entraîne l'esprit sans qu'il y pense. Qui a démontré qu'il sera demain jour et que nous mourrons, et qu'y a(-t)-il de plus cru? C'est donc la coutume qui nous en *persuade*... Quand on ne croit que par la force de la *conviction* et que l'automate est incliné à croire le contraire ce n'est pas assez» [27, P. 149].

Английский перевод У. Ф. Троттера:

«For we must not misunderstand ourselves; we are as much automatic as intellectual; and hence it comes that the instrument by which *conviction* is attained is not demonstrated alone. How few things are demonstrated? Proofs only *convince* the mind. Custom is the source of our strongest and most believed proofs. It bends the automaton, which *persuades* the mind without its thinking about the matter. Who has demonstrated that there will be a tomorrow, and that we shall die? And what is more believed? It is, then, custom which *persuades* us of it... It is not enough to believe only by force of *conviction*, when the automaton is inclined to believe the contrary» [28, P. 73].

Русский перевод Ю. Гинзбург:

«Не следует заблуждаться на свой счет, мы представляем собой столько же автомат, сколько дух. Поэтому орудие *убеждения* у нас — не одни лишь доказательства. Много ли вещей было доказано? Доказательства *убеждают* только разум, обычай делает их весомей и достоверней. Он склоняет автомат, а тот направляет разум без вмешательства мысли. Кто доказал, что завтра будет день и что мы умрем, и чему люди верят больше, чем этому? *Убедил* нас в том обычай... Когда мы верим только по *убеждению разума*, а автомат склоняется верить в противоположное — этого мало» [13, с. 297].

В английском переводе *persuasion* во втором предложении передано как *conviction*, и это, по видимому, нарушает ясное разделение *persuasion* и *conviction* в оригинальном тексте. Кроме того, «entraîne l'esprit» переведено как «*persuades the mind*», что вряд ли можно считать удачным.

В русском переводе Ю. Гинзбург различие между двумя глаголами исчезает — оба передаются словом «убедить».

Рассмотрим дополнительно перевод этого фрагмента Э. Линецкой:

«Ибо не следует заблуждаться на свой счет: мы — и бездушные механизмы, и одушевленные существа, и, следовательно, *убедить* вас в чем-то можно не только с помощью очевидного. На свете так мало очевидного! Доказательства *убедительны* только для разума. Куда неотразимее доказательства обычая: он воздействует на автомат, который затем незаметно склоняет на свою сторону разум. Кто и когда доказал, что завтра снова наступит день и что все мы смертны? А вместе с тем, кому придет в голову оспаривать эти утверждения? Итак, *убедил* нас в них обычай... Если человек верует лишь по подсказке рассудка, меж тем как автомат в нем

склонен верить противоположному, вера его шатка» [14, с. 216].

Здесь также для передачи двух французских слов используется одно русское слово *убедить*.

Прежде чем обратиться к современным научным работам, рассмотрим еще один фрагмент на немецком языке. Авторы «Новой риторики» цитируют начало Третьего раздела «Канона чистого разума» в «Критике чистого разума», где обсуждается различие между *Überzeugung* и *Überredung*:

«Das Fürwahrhalten ist eine Begebenheit in unserem Verstande, die auf objektiven Gründen beruhen mag, aber auch subjektive Ursachen im Gemüte dessen, der da urteilt, erfordert. Wenn es für jedermann gültig ist, sofern er nur Vernunft hat, so ist der Grund desselben objektiv hinreichend, und das Fürwahrhalten heißt alsdann *Überzeugung* [здесь и ниже – курсив Канта]. Hat es nur in der besonderer Beschaffenheit des Subjekts seinen Grund, so wird es *Überredung* genannt. *Überredung* ist ein bloßer Schein, weil der Grund des Urteils, welcher lediglich im Subjekte liegt, für objektiv gehalten wird. Daher hat ein solches Urteil auch nur Privatgültigkeit, und das Fürwahrhalten läßt sich nicht mitteilen... *Überredung* demnach kann von der *Überzeugung* subjektiv zwar nicht unterschieden werden, wenn das Subjekt das Fürwahrhalten, bloß als Erscheinung seines eigenen Gemüts, vor Augen hat; der Versuch aber, den man mit den Gründen desselben, die für uns gültig sind, an anderer Verstand macht, ob sie auf fremde Vernunft eben dieselbe Wirkung tun, als auf die unsrige, ist doch ein, obzwar nur subjektives, Mittel, zwar nicht *Überzeugung* zu bewirken, aber doch die bloße Privatgültigkeit des Urteils, d. i. etwas in ihm, was bloße *Überredung* ist, zu entdecken» [23, S. 848-849].

В «Новой риторике» на английском этот фрагмент дается в переводе Джона Мейкелджона:

«If a judgement is valid for every rational being, then its ground is objectively sufficient, and it is termed a *conviction*. If, on the other hand, it has its ground in the particular character of the subject, it is termed a *persuasion*. Persuasion is a mere illusion, the ground of the judgement, which lies solely in the subject, being regarded as objective. Hence a judgement of this kind has only private validity – is only valid for the individual who judges, and the holding of a thing to be true in this way cannot be communicated... Persuasion, accordingly, cannot be subjectively distinguished from conviction, that is, so long as the subject views its judgement simply as a phenomenon of its own mind. But if we inquire whether the grounds of our judgement, which are valid for us, produce the same effect on the reason of others as on our own, we have then the means, though only subjective means, not, indeed, of producing conviction, but of detecting the merely private validity of the judgement; in other words, of discovering that there is in it the element of mere persuasion» [30, P. 28].

В оригинальном издании «Новой риторики» фрагмент цитируется на французском; для перевода *Überzeugung* и *Überredung* используются те же слова, что и в переводе на английский: *conviction* и *persuasion* [29, P. 37].

Таким образом, в переводах «Критики чистого разума» пара *überreden/überzeugen* соответствует пара *persuader/convaincre* (*persuade/convince*). Это соответствие подтверждает и старинный словарь синонимов Эберхарда [19].

Обратимся теперь к русскому переводу «Критики чистого разума», изданному в серии «Философское наследие». Рассматриваемый фрагмент переведен здесь следующим образом:

«Если суждение значимо для каждого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточ-

ное основание, и тогда признание истинности его называется *убеждением*. Если же оно имеет основание только в особом характере субъекта, то оно называется *уверенностью* (*Überredung*) [курсив переводчика – В. Е.].

Уверенность есть лишь видимость, так как [в этом случае] основание суждения, находящееся только в субъекте, принимается за объективное основание. Поэтому такое суждение имеет только индивидуальную значимость, и признание истинности его не может быть предметом сообщения...

Итак, с субъективной стороны уверенность, правда, нельзя отличить от убеждения, если субъект рассматривает признание суждения истинным только как явление в своей душе; но попытка установить, производят ли и на чужой разум значимые для нас основания суждения такое же действие, как и на наш, служит средством, правда лишь субъективным, имеющим своей целью если не достигнуть убеждения, то хотя бы обнаружить лишь индивидуальную значимость суждения, т. е. то в нем, что есть лишь уверенность» [6, Т. 3, с. 672-673].

Немецкому *Überzeugung* в переводе соответствует *убеждение*, а *Überredung* – *уверенность*. При этом в последнем случае в скобках приводится немецкое выражение, что, видимо, указывает на некоторую искусственность русского эквивалента. Та же терминология используется и в переводе «Пролегоменов»:

«Damit sie nun als Wissenschaft nicht bloß auf trügerische *Überredung*, sondern auf Einsicht und *Überzeugung* Anspruch machen könne...» [25, S. 157].

«Итак, чтобы метафизика могла как наука претендовать не только на обманчивую *уверенность*, но и на действительное понимание и *убеждение*...» [8, Т.4 Ч.1, с. 190].

Таким образом, столкнувшись с проблемой различения *convaincre* и *persuader* в текстах на французском, переводчики используют пару *доказать/убедить* или *убедить/клонить*, либо обходятся одним словом *убедить*. В переводах кантовских текстов *Überzeugung/Überredung* передается как *убеждение/уверенность*.

Перейдем от этих примеров к обсуждению того, какими возможностями располагает русский язык для различения интересующих нас глаголов.

Как уже говорилось, *convince* происходит от латинского *vincere* — побеждать. Русское *убеждать* имеет корень «бежд» и связано со словом «беда», от которого, предположительно, происходит «победа» [2]. Поэтому этимологически *убеждать* хорошо подходит для перевода *convince*. Дополнительным преимуществом является то, что имеется существительное *убеждение*, обозначающее как действие, так и состояние по глаголам *убеждать, убеждаться*. Во множественном числе это слово может обозначать «доводы» («никакие убеждения не действовали») или «систему взглядов» («какие ваши политические убеждения») [1].

В словарях Ожегова и Ушакова дается два значения слова *убедить*: 1. заставить поверить чему-н. («У. в своей правоте»), 2. уговаривая, склонить к чему-н. («У. кого-н. лечиться») [12]. Во втором значении *убедить (убеждать)* близко к значению *persuade*. Еще больше оно сближается с *persuade* в словаре Даля, где второе его значение определяется так: «упрашивать, умолять, с(при)клонять, увещевать, усиленно просить».

Таким образом в ненаучной речи слово *убеждать* по своим значениям соотносится как с *convince*, так и с *persuade*. В современном английском языке происходит

сближение этих терминов⁴. Но в теории коммуникации важно сохранить различие между ними.

Если слово *убеждать* подходит для любого члена из пары *persuade / convince*, то выбор «дополнительного» к нему термина представляет большие трудности. Наиболее естественным представляется соотнести глагол *убеждать* с глаголом *convince* и затем поискать термин для *persuade*.

Возьмем в качестве первого кандидата термин *уверенность*, который используется в переводах кантовских работ. Сопоставление *убеждения* и *уверенности* встречается уже у И. В. Киреевского в письме 1830-го года: «Говоря об главном моменте христианства, он не мог достигнуть до него иначе, как поднявшись на вершину своей веры, туда, где вера уже начинает граничить с философией. Но там, где философия сходится с верою, там весь человек, по крайней мере духовный человек. Коснувшись этого разбора двух миров, мира разумного *убеждения* и душевной *уверенности*, он должен был разорвать все понятия о их взаимном отношении, представить веру и философию в их противоположности и общности, следовательно, в их целостном, полном бытии» [1].

Если *уверенность* выбрана для перевода английского *persuasion* и немецкого *Überredung*, то в качестве однокоренного глагола нам придется взять глагол *уверять*. Одна из главных трудностей в том и заключается, что нам нужны однокоренные слова, обозначающие как действие, так и состояние. Например, в кантовской «Логике» есть фрагмент, посвященный сопоставлению

---

⁴ Сообщения на интернет-страницах, посвященных английскому языку. «Since the 1950s, however, convince has been commonly used as a synonym for persuade in North America. The New Oxford Dictionary of English (1998) suggests there is nothing wrong with the trend...» [20]. – «However, convince is now increasingly used to mean "to persuade to do sth" and followed by an infinitive.(source: Longman Dictionary of The English Language. Ed. Viking, Penguin)» [35].

убеждения и уверенности, и в нем встречается такая фраза: «Кто знает, что составляет достоверность, тот не спутает легко *уверенность* с *убеждением* и, следовательно, не позволит себя легко *убедить*» [7, с. 380]. В оригинале мы читаем: «Der da weiß, was zur Gewißheit gehört, wird *Überredung* und *Überzeugung* nicht leicht verwechseln und sich also auch nicht leicht *überreden* lassen» [24]. Здесь глагол *überreden* соотносится с существительным *Überredung* и вместе с ним противопоставляется существительному *Überzeugung* (убеждение). Поэтому перевод этого слова глаголом *убедить* затемняет смысл фразы. Заменив *убедить* на *уверить*, мы получим: «Кто знает, что составляет достоверность, тот не спутает легко *уверенность* с *убеждением* и, следовательно, не позволит себя легко *уверить*». Несмотря на несколько «архаический» оттенок слова *уверить*, эта фраза кажется вполне приемлемой. Название параграфа из «Новой риторики» переводилось бы в этом случае так: «Убеждение и уверение». Выглядит такой перевод не слишком удачным, но если бы слово *уверение* было привычным, устоявшимся термином, то, возможно, впечатление было другим.

У глагола *уверить* (в качестве эквивалента *persuade* и *überreden*) есть один важный недостаток: в нем не слышится «склонение к действию». Можно сказать «убедили проголосовать», но нельзя сказать «уверили проголосовать» — возможна только сложная конструкция «уверили в необходимости проголосовать» (хотя и здесь остается еще место для сомнений, будет ли голосовать «уверившийся»). Эта особенность русского глагола, возможно, объясняется тем, что этимологически *уверить* родственно «вере», а корень *вер-* происходит от индо-европейского *wēr-* (истина) — здесь нет связи со «сладкоречивым уговариванием»; *persuade*, напомним, этимологически связано со *sweet* (сладкий), а *überreden* — с *rede* (речь).

Глагол *склонять* кажется уместным для перевода *persuade*, однако существительное *склонение* вряд ли можно принять как обозначение ситуации, когда кто-то склоняет кого-то к чему-то.

Принимая во внимание этимологию *überreden*, можно рассмотреть такие варианты как *увещевать*, *уговаривать*. Первый из этих глаголов слишком архаичен и имеет отчетливую «этическую» окраску; второй широко используется в современных работах, посвященных речевому воздействию, и его можно считать главным кандидатом на роль русского эквивалента для *persuade* (об этом — ниже).

Рассмотрим теперь тот случай, когда *persuade* переводится словом *убеждать*. При этом возникает проблема перевода *convince*. В русском «Эмиле» (см. выше) для этой цели используется слово *доказывать*. Выражение *доказательная речь* широко используется в школьных методиках («чёткая, доказательная, образная устная и письменная речь ученика — показатель его умственного развития»); оно встречается также и в других контекстах («Акунин хорошо *видит*. Именно точка зрения, а не линейная повествовательная логика, логика письменной доказательной речи обеспечивает у него решающий критерий достоверности» [10]. — «Это было время возникшей "интеллектуальной страсти" к силе логоса, страсти, которая неразрывно связана с демократическими реалиями афинского полиса: политическая борьба, суды, рыночные споры и т. д., где убедительная и доказательная речь получила роль необходимого инструмента» [9]).

При таком выборе название параграфа в «Новой риторике» выглядело бы так: «Доказательство и убеждение» («Доказывание и убеждение», «Доказывать и убеждать»). Этот перевод не кажется неприемлемым. У глагола *доказывать* (как эквивалента *convince*) есть, однако, тот недостаток, что мы не имеем однокоренного

существительного, обозначающего состояние того, кому что-то «доказали». Слово *убеждение*, которое используется в переводах кантовских работ, кажется единственно подходящим для этой цели. И это сильный аргумент в пользу того, чтобы выбрать глагол *убеждать* для перевода *convince*.

Посмотрим теперь, какая терминология используется в современных работах по филологии, риторике, речевой коммуникации, прагматингвистике и т. д.

Филологи в своих теоретических работах, судя по всему, без колебаний используют как эквивалент *persuading* (*persuasion*) термин *уговаривание*. Например: «Зона воздействия на мнение и побуждение к действию включает микрзоны «уговаривание» с центром *persuade*, «совет» с центром *advise*, «приказ» с центром *order*, «возражение» с центром *oppose*» [18]. Или: «В работе раскрывается понятие ситуации «дипломатические переговоры» и освещаются реализуемые при этом такие формы речевого воздействия, как аргументация, убеждение, уговаривание...» [11]. — «Особенности реализации стратегии уговаривания в современном английском языке» [17].

Ясную формулировку оппозиции *убеждения/уговаривание* дает философ А. Денежкин: «В прагматическом отношении предельным основанием различения теоретического (критически-рефлексивного) и “чисто” риторического дискурсов является оппозиция двух видов убеждающего воздействия — “убеждения” с помощью аргументов, притязающих на статус знания и потому могущих быть оцененными как истинные или ложные, и “уговаривания” с помощью риторических “инструментов” — средств, в отношении которых применимы скорее критерии успешности или эффективности (*Convincing vs. Persuading, Überzeugen vs. Überreden*)» [5].

Глагол *уговаривать*, по-видимому, лучше всего подходит для перевода «Persuader et Convaincre» («Persuading and Convincing») – «Убеждать и уговаривать» выглядит совсем неплохо. По Далю, *уговаривать* означает «убеждать доводами, упрашивать, соглашать, склонять к чему», что очень близко к определению *persuade*. Трудно сказать, однако, может ли этот термин остаться единственным эквивалентом для *persuade* при расширении контекста. В современной лингвистике приняты термины «персуазивный», «персуазивность», «персуазив» и даже «персуазорий» [3]. Эти термины давно используются и в работах на немецком языке [26]. Выражения «уговаривающая коммуникация», «уговаривающая интенция», «уговаривающий дискурс», «макроакт уговаривания» вряд ли покажутся приемлемыми лингвистам (хотя, возможно, все дело в привычке).

Для произношения обороты с терминами вроде «персуазивность» довольно трудны («речевой макроакт персуазивности»), но этот недостаток, по-видимому, компенсируется широкими возможностями для построения производных слов. Среди таких новых слов, однако, нет глагола и существительного, начинающихся на *персуа-*, которые бы заменили русское *уговаривать* и *уговаривание*. Поэтому для перевода «Persuader et Convaincre» переводчику, скорее всего, придется искать слова с русскими корнями.

Список литературы

1. Виноградов В.В. «Убедить, убеждение». // Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. [Электронный ресурс] URL: http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=ubedit_ubegdenie&vol=1 (дата обращения к этому адресу и остальным указанным адресам: 5.11.2010).

2. Викисловарь. Статьи: «убеждать», «победа». [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/>.
3. *Голоднов А.В.* Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2003.
4. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык. 1976.
5. *Денежкин А.* Реплика. // Логос. 2000 №1. [Электронный ресурс] URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_1/2000_07.html.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 6 томах. Т. 3. М.: Мысль. 1964.
7. *Кант И.* Логика // Кант И. Трактаты и письма. М.: «Наука». 1980.
8. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике // Кант И. Собр. соч. в 6 томах. Т. 4. Ч.1. М.: «Мысль». 1965.
9. *Кислов А.Г.* Логика формальная // Философский словарь онлайн. [Электронный ресурс] URL: [http://mirslovarei.com/content fil/LOGIKA-FORMALNAJA-5440.html](http://mirslovarei.com/content_fil/LOGIKA-FORMALNAJA-5440.html).
10. *Манцев И.* Кинообозрение Игоря Манцева // Новый мир. 2002 №12. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/12/manc.html.
11. *Оберемченко Е.Ю.* Исследование основных аспектов речевого воздействия в ситуации речевых переговоров (Аннотация). // Известия Южного Федерального Университета. Филологические науки. 2008. Вып. 3. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11787827>.
12. *Ожегов С.И.* Статья «Убедить» // Ожегов С.И. Толковый словарь онлайн. [Электронный ресурс]

URL:

<http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32673>.

13. *Паскаль Б.* Мысли. Пер. Ю. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых. 1995.
14. *Паскаль Б.* Мысли. Пер. Э. Линецкой. СПб.: Северо-Запад. 1995.
15. *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rus.ec/b/148349>.
16. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. Перевод с франц. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова. // Руссо Ж. Ж. Трактаты. М.: Наука. 1969.
17. *Слепцов Г.С.* Особенности реализации стратегии уговаривания в современном английском языке. Выступление на студенческой конференции Педагогического института Южного Федерального Университета. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://pi.sfedu.ru/pageloder.php?pagename=science/conferences/year_of_teacher
18. *Стойкович Л.Ю.* Лексико-семантическое поле английских глаголов речепроизводства. Автореферат дис... канд. Филол. наук. Самара. 2007.
19. *Eberhards J.A.* Synonymisches Handwörterbuch der deutschen Sprache (1802). [Электронный ресурс] URL: <http://www.textlog.de/37902.html>.
20. English Usage. [Электронный ресурс] URL: <http://www.yaelf.com/swot.shtml>.
21. Farlex Free Dictionary (статьи «convince» и «persuade»). [Электронный ресурс] URL: <http://www.thefreedictionary.com>.
22. *Harper D. Sweet* // Harper D. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=sweet>

23. *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Zweite Auflage. Riga.: 1787.
24. *Kant I.* Logik. Königsberg. 1800. [Электронный ресурс] URL: [www.textlog.de:
http://www.textlog.de/kant-logik-ueberzeugung.html](http://www.textlog.de/ueberzeugung.html).
25. *Kant I.* Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik. Humburg: Felix Meiner Verlag. 2001.
26. *Kopperschmidt J.* Allgemeine Rhetorik: Einführung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation. Stuttgart: Kohlhammer. 1973.
27. *Pascal B.* Pensées. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ub.uni-burg.de/fileadmin/ub/referate/04/pascal/pensees.pdf>.
28. *Pascal B.* Pensées. Translated by W. F. Trotter. New York: E. P. Dutton. 1958. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/files/18269/18269-h/18269-h.htm>.
29. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* Le nouvel rhétorique: Traite de l'argumentation. – Paris: Press universitaires de France. 1958. [Электронный ресурс] URL: <http://www.scribd.com/doc/19127878/Charles-Perelman-Et-L-OlbrechtsTyteca-Traite-de-L-Argumentation-Puf-1958>
30. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation. University of Notre Dame Press. Notre Dame: 1969.
31. *Rousseau J.-J.* Émile, ou De l'éducation. Livre III. [Электронный ресурс] URL: http://fr.wikisource.org/wiki/%C3%89mile_ou_De_1%E2%80%99%C3%A9ducation/%C3%89dition_1852/Livre_III.

32. *Rousseau J.-J. Emile.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/5427>.
33. *Rousseau J.-J. Du contrat social. Chapitre 2.7.* [Электронный ресурс] URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Auteur:Jean-Jacques_Rousseau.
34. Stevenson Ch. *Ethics and Language.* New Haven: Yale University Press. 1944.
35. UsingEnglish.com. [Электронный ресурс] URL: <http://www.usingenglish.com/forum/ask-teacher/22554-convince-persuade.html>.
36. Wiktionary. Статьи «convinco», «persuadeo», «suadeo». [Электронный ресурс] URL: <http://en.wiktionary.org/wiki/convinco#Latin>, <http://en.wiktionary.org/wiki/persuadeo>, <http://en.wiktionary.org/wiki/suadeo>.

Об авторе

Ермолаев Владимир Константинович – магистр философии, выпускник докторантуры кафедры истории философии Латвийского государственного университета, vla-erm@yandex.ru.

About author

Vladimir K. Yermolayev, MPhil, postdoctoral graduate of the Department of Philosophy, University of Latvia, vla-erm@yandex.ru.

Н.В. Зайцева
КАК ВОЗМОЖНА АРГУМЕНТАЦИЯ К УНИВЕР-
САЛЬНОЙ АУДИТОРИИ?

В статье анализируются основные понятия «Новой риторики» Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки. Устанавливается связь между риторическим подходом к аргументации и феноменологической (гуссерлианской) концепцией вербальной коммуникации. Проводится дистинкция обоснование – аргументация, в контексте которой уточняется понятие аргументации к универсальной аудитории.

This article analyses the principal concepts of Ch. Perelman and L. Olbrecht-Tyteca's "New rhetoric". The author establishes the connection between the rhetorical approach to argumentation and the phenomenological (Husserlain) conception of verbal communication. The article distinguishes substantiation – argumentation that clarifies the very idea of argumentation to a universal audience.

Ключевые слова: аргументация, универсальная аудитория, феноменология, убеждение, обоснование, личностный смысл.

Keywords: argumentation, universal audience, phenomenology, convincing, persuading, substantiation, personal sense.

*Построение всякой аргументации
есть функция от аудитории,
к которой спикер обязан адаптировать себя
Х. Перельман*

Введение

Введенное Х. Перельманом и Л. Ольбрехт-Титекой понятие универсальной аудитории принадлежит к числу важнейших и в то же время наиболее проблематичных нововведений их риторического

подхода. С одной стороны, в концептуальной системе Новой риторики ему отводится роль своеобразного универсального (в каком-то смысле даже интерсубъективного) стандарта аргументативных рассуждений, с другой стороны, это понятие оказывается относительным и существенным образом зависит от социально-культурного фона, референтной группы и, в конечном счете, от индивидуального субъекта.

Как мне представляется, интерес к понятию универсальной аудитории обусловлен не только стремлением правильно интерпретировать концепцию Новой риторики. Дело в том, что при оценке аргументативного дискурса очевидным образом возникает проблема выбора критерия, соответствующего общезначимости при оценке дедуктивных рассуждений в логике. Иногда в качестве такого критерия указывается универсальная аудитория.

В связи с этим уместно отметить, что несмотря на не вызывающее сомнений авторство концепции универсальной аудитории, это понятие вызывает прямые и устойчивые ассоциации с понятием трансцендентального субъекта Канта или человечества Гуссерля. Влияние этих философов на авторов «Новой риторики» не вызывает сомнения, так как в работе есть прямые ссылки и на Канта, и на Гуссерля. При этом, хотя преимущественно ссылки на Гуссерля относятся к «Кризису европейских наук», идейное влияние основателя феноменологии, на мой взгляд, отнюдь не ограничивается этой работой. Я не могу с абсолютной достоверностью утверждать, что Перельман и его соавтор были знакомы с последней гуссерлевской работой «Начало геометрии», опубликованной в 1939 году уже после смерти ее автора, но понятие универсальной аудитории, развиваемое в «Новой риторике», также как и некоторые идеи, имплицитно связанные с этим понятием, просто не могут не вызывать аналогии с

концепцией человечества как носителя «объективно сущего», представленной в «Начале геометрии».

Основной вопрос статьи вынесен в ее заголовок — практически весь следующий ниже текст можно рассматривать как развернутый ответ на него, или как обоснование такого ответа, который в лаконичной форме будет представлен в последней заключительной части работы.

1. Демонстрация, аргументация и убеждение

Сами авторы-изобретатели универсальной аудитории оставили крайне туманное, а иногда даже противоречивое описание этого понятия. Прежде чем предлагать какую-то его интерпретацию необходимо ввести более широкий контекст риторической аргументации, которому оно обязано своим появлением.

Первые же страницы «Новой риторики» посвящены принципиальному разведению аргументации и демонстрации. Это различие оказывается принципиально важным для концептуализации понятия риторической аргументации. Как пишут сами авторы на первой странице Введения, «сама природа дискуссии и аргументации противоположна необходимости и самоочевидности, поскольку никто не дискутирует там, где решение вытекает с необходимостью и не спорит против самоочевидного. Сфера аргументации это правдоподобное, вероятное, возможное...» [4, р. 1]. Таким образом, демонстрация понимается как связанная с самоочевидностью, необходимостью и истинностью. Ядро ее составляет дедуктивный аксиоматический метод доказательства. При этом самоочевидность играет двойную роль: с одной стороны как некоторая ментальная способность, с другой, — как индикатор истинности. Любое доказательство можно рассматривать как сведение к самоочевидному.

Вспомним, что Гуссерль в «Логических исследованиях», характеризовал объективные логические законы как истину, которая переживается субъектом как «самоочевидность». Термин «самоочевидность» понадобился Гуссерлю для различения эмпирической вероятности и логической истинности. Последняя и переживается субъектом в отличие от всякой эмпирически-психологической вероятности как очевидность. «Истина есть идея, отдельный случай которой сказывается в очевидном суждении, как актуальное переживание». [1, с. 307]

В противоположность демонстрации, под аргументацией в «Новой риторике» понимается «дискурсивная техника, позволяющая нам вызвать или увеличить расположенность разума к тезисам, представленным ему на одобрение» [4, р. 4]. Таким образом, акцент делается на различении рассуждений, связанных с истинностью, и рассуждений, оцениваемых в терминах «расположенности» («склонности» — *adherence*).

В приведенном определении существенную роль играет разум (*mind*), который в процессе аргументации необходимо склонить к согласию с тезисом. Это принципиально важный момент в понимании риторической аргументации — она является субъект-ориентированной. Любая аргументация направлена на некоторую аудиторию.

Таким образом, можно считать, что аргументация в риторическом подходе рассматривается как деятельность по изменению позиции субъекта-аудитории по отношению к ситуации или положению дел, утверждаемому в тезисе пропонента. Эти изменения касаются концептуальной сетки, той сложной многослойной смысловой структуры, носителем которой является каждый из нас. Именно смысловые образования, такие как значения, ценности лежат в основе нашего отношения к миру и мотивируют наши действия и по-

ступки. На любое событие мы смотрим сквозь призму таких понятий как «хорошо» и «плохо», «справедливо» или «целесообразно», «выгодно» или «аморально» и т.д.

Любой объект мира с самого начала предстает как осмысленный так-то и так-то. Мы живем в осмысленном как *общий*, единый для всех, объективном мире. Э.Гуссерль в «Опыте и суждении» показал, что еще в допредикативном опыте человека мир представлен как мир типичного. Человек как член человеческого языкового сообщества уже в естественной установке воспринимает объекты не в той или иной конфигурации, цвете, гештальте и т.д., а изначально как горы, деревья, животные, люди т.д.

Осмысление Гуссерлем представляется не как акт предикации, а как сложный процесс сознания, включающий когнитивные акты разных уровней. В «Логических исследованиях» и позднее в «Картезианских размышлениях» Гуссерль показывает, что значения субъект никогда не получает извне в готовом виде, он каждый раз «творит», «воспроизводит» их заново в своем временном реальном акте сознания. В этом контексте, мне представляется оправданным утверждать, что всякая аргументация есть вторжение в этот реальный субъективный процесс осмысления, отнесения субъектом ситуации к тому или иному смыслу (типу) в имеющейся концептуальной схеме. Именно благодаря тому, что осмысление есть *процесс*, протекающий во времени, процесс «выбора» доминирующего концепта в иерархии смыслов самим субъектом, мы можем влиять на этот выбор, исходя из представлений об этом субъекте. Понятие аудитории как субъекта, на которого направлена наша аргументация, обосновывается таким образом как одно из самых важных и основополагающих в аргументологии.

В близком ключе понимают аудиторию и авторы «Новой риторики». Аудитория всегда представляет собой в большей или меньшей степени систематизированный конструкт, продукт ментальной деятельности спикера. При этом главная задача такого конструирования состоит в адекватности конструкта реальной конкретной аудитории. Необходимым условием такого конструирования служит знание аудитории, неотделимое от знания, как повлиять на эту аудиторию. «В аргументации важнейшим условием является не знание того, что спикер считает истинным или важным, а знание взглядов тех, к кому он обращается» [4, р. 24-25].

Все это позволяет определить аудиторию как субъекта (в широком смысле слова), на которого аргументатор пытается воздействовать в процессе аргументации с целью изменения его концептуальной позиции по отношению к тезису.

Этот субъект не всегда тот, к кому я непосредственно обращаюсь. Он может занимать позицию стороннего наблюдателя в моем споре с оппонентом. «Аудитория – ensemble всех тех, на кого спикер хочет повлиять своей аргументацией». [4, р. 19] В то же время, исходя из данного выше определения, следует, что аудитория – это всегда субъект, у которого или нет сложившегося, четко-определенного мнения – оценки тезиса пропонента, или его оценка со знаком «минус». У меня нет нужды убеждать в чем-то человека, который изначально согласен с моим тезисом, таким образом, моя аргументация всегда нацелена на *изменение* позиции аудитории. Согласие или принятие моего тезиса аудиторией означает, что мне удалось повлиять на процесс типизации или осмысления, актуализировать, «затронуть» тот ценностный смысл, который имплицитно концепт «приемлемо», «истинно», «верно».

Как же типизируется аудитория в «Новой риторике»? В основе наиболее важного различения аудитории на универсальную и специальную, или частную (*particular* — в данном контексте мне представляется уместным использовать термин «конкретная») лежит старая кантовская идея двух видов убеждения. К сожалению, в русском языке нет адекватных терминов для выражения этих понятий, поэтому дальше будут использованы конструкции «с-убеждение» и «р-убеждение», от *convincing* и *persuading*, соответственно. Р-убеждение ориентировано на конкретную аудиторию. С-убеждение направлено на человечество, на всех человеческих существ.

В результате р-убеждения аудитория должна склониться к принятию тезиса. Сам акт согласия понимается как некоторое действие. С-убеждение адресовано интеллекту, и следовательно, не предполагает какого бы то ни было действия. Прекрасный проясняющий эти различия литературный пример приводится в «Новой риторике» и касается некоторой мадам Antipoff, «которая [р-]убедила меня (но не [с-]убедила), что публикация моих результатов желательна» [4, р. 30].

Очевидно, что аудитория с-убеждения призвана играть нормативную роль в оценке аргументации. Перельман различает три типа аудитории на не вполне ясном для меня основании:

1. аудитория, состоящая из всего человечества, или «по крайней мере из всех нормальных, здоровых людей» [4, р. 30] — ее предлагается называть универсальной аудиторией;
2. аудитория, состоящая из одного собеседника, которому спикер обращается в диалоге;
3. аудитория, которую представляет сам субъект аргументации.

Как отмечают Х.Перельман и Л.Ольбрехтс-Титека, две последние разновидности аудитории в контексте с-убеждения представляют собой не более чем «инкорнацию» универсальной аудитории. Более того, как следует из текста «Новой риторики», понимание аудитории как конкретной возможно только со стороны внешнего наблюдателя (*external viewpoint*) — «для каждого спикера в каждый момент времени существует [универсальная] аудитория, трансцендентная всем остальным» [4, р. 30]. Именно она и играет роль нормы для объективной аргументации.

Прежде чем сконцентрировать внимание на универсальной аудитории как таковой, подведем некоторые итоги.

1. Аргументация отличается от демонстрации тем, что первая направлена на убеждение субъекта (склонение его к согласию с тезисом), а вторая на обоснование некоторого положения (демонстрацию его истинности).

2. С внешней точки зрения, на практике, всегда существует какая-то группа лиц, к которым обращается спикер. Эта группа представляет собой конкретную аудиторию. В то же время в реальном аргументативном процессе, рассмотренном изнутри, с точки зрения его участника, всегда присутствует обращение к универсальной аудитории, позволяющее оценить аргументацию по критерию объективности (читай интерсубъективности).

3. Убеждение, лежащее в основе всякой аргументации, может быть с-убеждением — направленным на универсальную аудиторию, и р-убеждением — направленным на конкретную аудиторию.

Получается, что различие универсальной и конкретной аудитории относится к различению сущностей, имеющих различный онтологический статус. Говоря феноменологическим языком, объектный кор-

релят конкретной аудитории существует в физическом времени и пространстве, и является чувственно воспринимаемым для спикера. Универсальная аудитория не имеет чувственно воспринимаемого объектного коррелята. Она коррелятивна трансцендентальному субъекту.

Особенно хорошо это различие проявляется в случае обращения к так называемой композитной аудитории. Авторы «Новой риторики» приводят пример парламентской ассамблеи, состоящей из людей с разными, зачастую противоположными политическими взглядами и позициями, но выступающей как единая сущность в процессе принятия решения. Конечно, в этом случае можно обращаться к различным группам композитной аудитории и использовать разные аргументы, но возникающая тогда проблема согласования этих аргументов с поправкой на мнение другой группы, существенно ослабляет аргументацию. Другое решение, которое предлагается Перельманом и Ольбрехтс-Титекой, состоит в изначально анонимном характере аргументации. Наивысшим результатом такой анонимной аргументации является согласие универсальной аудитории. Такое согласие относится не к сфере сущего, а к сфере должного (как сказано в «Новой Риторике»: «is a matter, not of fact, but of right»).

К сожалению, дальше начинаются те неясности и непоследовательности, на которые обращают внимание и другие исследователи (см., например [3], [5]). Со страниц «Новой риторики» мы узнаем, что адресованная универсальной аудитории аргументация должна убеждать субъекта, что приведенные аргументы «являются самоочевидными и обладают абсолютной и вневременной общезначимостью, независимой от частных и исторических случайностей» [4, p. 32]. Этот пассаж удивительным образом возвращает нас к де-

монстрации, демаркационная линия от которой была проведена выше.

Последовательное чтение «Новой риторики» открывает все новые особенности универсальной аудитории. «Каждый конституирует универсальную аудиторию из того, что он знает о членах сообщества, к которому он принадлежит... Каждый индивид, каждая культура, таким образом имеет свое собственное понятие универсальной аудитории» [4, р. 33]. Изучение различных понятий универсальной аудитории дало бы многое для понимания того, что в разные периоды своей истории человечество подразумевало под терминами «реальный», «истинный» и «объективно общезначимый», – считают авторы «Новой риторики».

Есть некоторые разновидности специализированных аудиторий, например, аудитория ученых, которые могут быть уподоблены универсальной аудитории. Это позволяет прояснить еще одну важную особенность универсальной аудитории. Обращающийся к коллегам по цеху ученый, исходит из предпосылки, что «всякий, обладающий тем же уровнем подготовки, квалификации и располагающий той же информацией, придет к тому же заключению» [4, р. 34].

Очевидно, что, во-первых, понятие универсальной аудитории играет стержневую роль во всей концепции риторической аргументации, и во-вторых, это понятие нуждается в существенном прояснении.

2. Истинность и смысл

Как видно из предыдущего, специфика аргументации, ее отличие от демонстрации связаны с интенцией аргументативной деятельности. Эту интенцию определяет направленность на субъекта и стремление добиться его согласия с тезисом. Вполне естественно, что основные понятия аргументологии должны рассматриваться с учетом прагматического фактора, ос-

новываясь на специфике субъекта-адресата. Ниже в фокусе нашего внимания окажется прагматическое понятие истинности, обосновывающее принятие или согласие с тезисом.

Сам термин «истинно» может иметь три значения (хотя я не исключаю и большее количество). Первое значение — объективное, или точнее сказать интерсубъективное, является смысловой характеристикой высказывания. Это семантическое понятие истинности. Все предложения языка истинны или ложны объективно, независимо от конкретных носителей языка, их индивидуальных особенностей, места и времени произнесения и т.д. Язык как средство передачи информации, само понимание возможно лишь при условии объективности смысла, в том числе и истинности как смысловой лингвистической характеристики.

Истинность во втором значении указывает на объектный коррелят лингвистической истинности. Это сама ситуация или связь вещей в мире, как она есть. Выделение онтологического аспекта истинности позволяет нам говорить о ситуации, связи вещей в мире самой по себе, независимой от нашего знания и отношения к ним. Онтологической истинности будет в таком понимании соответствовать некий наличествующий сегмент мира, объектный коррелят предложения в логическом смысле.

В философии прагматизма делается акцент на третьем, важном для аргументологии, значении термина «истинное». Это значение детерминировано ценностями, входящими в личностную смысловую систему психо-физического субъекта, и характеризует его *мнение (оценку)* по поводу интерсубъективного смыслового значения любого выражения, обеспечивающего его понимание. Истина как субъективная оценка характеризует не (1) смысловое значение высказы-

вания самого по себе, абстрагированного от конкретного воспринимающего его субъекта, и не (2) его объектный коррелят, а конкретного психофизического субъекта в его отношении к объективному содержанию лингвистического выражения. Истинность любого дискурса, с этой точки зрения, есть *оценка*, и она зависит от нашего умонастроения, наших интересов, системы взглядов, то есть от субъекта.

Такая оценка конституируется не в акте понимания, а в акте, надстраиваемом над ним. Когда объектом интенции становится сам смысл сообщения и субъект, как он делает это по отношению к любому внешнему, трансцендентному объекту, пытается освоить, «приспособить» его исходя из личных индивидуальных потребностей и целей. Это означает, что любое сообщение для субъекта приобретает дополнительный личностный смысл.

В связи с этим вспоминается замечательный шуточный пример правила женской логики, который привел как-то известный российский ученый Н.А. Шанин: «пусть А влечет В, и В — приятно, следовательно, А — истинно». Очевидно, что в данном случае термин «истинно» не характеризует высказывание А само по себе, здесь истинность не является свойством предложения, рассмотренного в логическом смысле, а характеризует отношение субъекта к этому предложению. «Истинно» как «вторичное качество» — говорит не о смысловом значении высказывания, а скорее об особенностях восприятия этого значения субъектом, то есть о специфике самого субъекта. Именно личностный смысл оказывается целью аргументации. В процессе аргументации важно, чтобы адресат оценил тезис как истинный, а не просто понял смысл сообщения. Оценка «истинный» надстраивается в иерархии личностных смыслов над оценками «полезный», «вы-

годный», «красивый», «приятный» и т.п., и выражается согласием.

Для наших целей принципиально важно различать объективную и субъективную истинность как, соответственно, семантический и личностный смысл. Гуссерль, отстаивая объективность логики как наукоучения в борьбе с психологизмом, сделал акцент на обосновании объективности значений — смысловых характеристик лингвистических выражений. Для него смысловые значения предложений науки объективны, всевременны, идеальны. И хотя наука, с точки зрения Гуссерля, представляет собой антропологическое собрание познавательных актов, он с самого начала подчеркивал, что его интересует не, кто делает науку наукой, а что ее делает таковой.

Истина как смысловая характеристика знака, Гуссерлем обосновывалась в связи с всевременным и идеальным, независимым от эмпирического субъекта смысловым значением (*Bedeutung*), обеспечивающим понимание. В тоже время, Гуссерль убедительно показал, что именно общность языка выступает гарантом общности смысла, который он выражает. Объективность смыслового значения выражения означает, с точки зрения Гуссерля, возможность для любого психо-физического субъекта обратиться к нему вновь и вновь, реактивировать его в своем сознании. Теорема Пифагора интерсубъективна в том смысле, что она одна, сколько бы раз мы ее не произносили. Эта объективная истина не зависит от ее выражения отдельным субъектом. Она объективна и необходима в том смысле, что обуславливает саму *возможность* ее «переживания» каждым индивидуальным сознанием.

Понятие объективности как возможности реализации в каждом индивидуальном сознании развивается авторами «Новой риторики» в контексте аргументации, когда речь идет об объективности демонстра-

ции и объективности аргументации к универсальной аудитории. Объективность оказывается связанной с возможностью каждого здорового субъекта осознать самоочевидность того или иного положения, а не с временной, ситуативной реализацией этой возможности. К сожалению, в «Новой риторике» подробно не проясняется этот момент, на мой взгляд, являющийся принципиально важным для понимания различия между объективной аргументацией и конкретной, между анонимностью сообщения и адресностью (подробнее см. [2] и [6]). Ведь именно здесь следует искать объяснение ситуации, когда демонстрация и объективная аргументация, адресованная к универсальной аудитории, может не только не убеждать отдельного субъекта, но и не находить в нем понимания. Объективная, обладающая нормативным характером истина, может быть обнаружена, реально пережита в определенный момент времени интеллектуальной эволюции конкретного субъекта, то есть при определенных условиях, включающих, например, уровень образования и т.д., а может быть и «не пережита» в виду ограниченности опыта. Применительно к аргументации это означает, что объективные, рациональные, логические аргументы могут ситуативно кого-то и не убеждать. При этом они не теряют своего интерсубъективного свойства в выше указанном смысле.

Проблема объективности-субъективности смысла, которую решал Гуссерль, отстаивая объективность логики, оказывается в самом фундаменте построения теории аргументации. Вопрос, как соотносится объективная вневременная истина с эмпирическим временным индивидуальным сознанием, является ключевым для аргументологии. Различение интерсубъективного смысла и личностного, семантической истинности и прагматической получает свое оправдание. Оно лежит, как я постараюсь показать в дальнейшем, в основе раз-

личения обоснования и аргументации. Первая соответствует логическому подходу в аргументации, вторая — риторическому. Подробнее это различие будет проанализировано ниже.

Личностные смыслы играют в аргументации самую важную роль. Ведь не понимание объективного смысла сообщения мотивирует согласие или несогласие адресата аргументации, а его личностные смыслы, представляющие собой типизацию второго уровня и обуславливающие концепт — оценку: «верно», «истинно», «согласен». Личностные смыслы могут быть не рефлексированы адресатом, не выражены им самим и в этом смысле не осознаваемыми.

Часто можно слышать: «Этот человек не лжет». «Почему», — спросите Вы, и услышите пространное «Я так думаю...». Эта поверхностная рефлексия говорит о многом. Она указывает на субъективность, индивидуальность, временность и подвижность личностной смысловой структуры, изменчивость ее и зависимость от постоянно меняющегося индивидуального опыта.

Гуссерль в «Логических исследованиях» различал предложение в логическом смысле, рассмотренное со стороны смыслового значения, и предложение как оформление акта суждения. Так, например, рассматривая предложение «На марсе есть разумные существа» в логическом смысле, то есть со стороны смыслового значения, мы его понимаем. Нам ясно, о какой ситуации или положении дел в мире идет речь. При этом субъект оказывается вне фокуса нашего внимания. Но, если мы рассматриваем предложение как выражение акта суждения, направленность которому задает его носитель — человек, то субъект неизбежно учитывается при восприятии полного смысла сообщения. Применительно к аргументации это означает, что соглашаемся мы всегда именно с субъектом, утверждающим ту или иную мысль. Мы соглашаемся с его истинност-

ной оценкой, которая выражается в моменте утверждения и связана на письме не со словом «есть», а со знаком «.»». Уберите точку в конце предложения, и вы получите лингвистическое выражение мысли, смысла, абстрагированного от субъекта и тождественного в своем понимании для всех носителей русского языка.

Предложенный мной взгляд на аргументацию как трансляцию личностного смысла от одного субъекта к другому, может внести некоторую ясность в декларируемую Перельманом и Ольбрехтс-Титекой дистинкцию демонстрации и аргументации к универсальной аудитории. Демонстрация всегда направлена от субъекта к объективному смыслу высказывания. Ее цель — обоснование, прояснение смысла. Аргументация, как объективная так и частная, направлена на субъекта. Различия в аргументации детерминированы представлением об этом субъекте.

3. Универсальная аудитория, аргументация и обоснование в феноменологическом фокусе

Аудитория — это всегда идеальный конструкт, определяющий тип аргументации. Универсальная аудитория обуславливает рациональную, объективную аргументацию. Рационализм апеллирует к универсальным самоочевидностям, которые схватываются всяким субъектом, независимо от его эмпирических особенностей.

Перельман и Ольбрехтс-Титека также как и Гуссерль ищут основания объективности в трансцендентальной субъективной сфере. Любое понятие как объективная смысловая характеристика выражения не висит где-то в воздухе, не трансцендентна по отношению к субъекту, а обретает свое бытие лишь благодаря субъекту, носителю смыслообразующих актов сознания. Объективность для авторов «Новой риторики» как и для Гуссерля это интерсубъективность. Универ-

сальная аудитория это не трансцендентный иной субъект, а *явление*, «человек вообще» для меня. Таково объективное смысловое значение термина «универсальная аудитория», предложенное в «Новой риторике».

Это понятие может получить дополнительный личностный смысл, обусловленный конкретным индивидуальным опытом того или иного субъекта, его взглядами, образованием, социальными и другими условиями. Для каждого субъекта понятие универсальной аудитории свое, – утверждает Перельман. Универсальная аудитория может рассматриваться как личностный смысл, принадлежащий концептуальной сетке конкретного аргументатора.

Подведем некоторые итоги из сказанного. С одной стороны, универсальная аудитория, по определению, есть идеальный, трансцендентальный, очищенный от эмпирии субъект, человек как «идеальная» единичность, совокупность всех тождественных свойств различных эмпирических субъектов, человек вообще. Это смысловое значение термина, рассмотренное вне конкретного субъекта, носителя языка. С другой стороны, универсальная аудитория как тип или личностный смысл может рассматриваться с учетом конкретного временного субъекта, учитывая его взгляды, особенности и т.д.

Риторический подход к аргументации, на мой взгляд, должен строиться на понимании, что именно субъект как носитель *личностных* смыслов является целью аргументатора. Следует различать обоснование и аргументацию. Критерий этого различения обнаруживается в интенциональности, «направленности на...» нашего сознания. Если целью, задающей направленность моей аргументации, является прояснение смыслового значения того или иного положения, например, теоремы Пифагора, то мы имеем дело

с обоснованием. В таком случае речь идет именно *обосновании* суждения, абстрагированного от субъекта, которому обращено. В обосновании нет необходимости адаптироваться к аудитории. В случае аргументации цель, на которую направлено мое сознание, это адресат, которого я хочу в чем-то убедить, то есть изменить его личностную оценку или сформировать ее. Обоснование связано с пониманием, аргументация с убеждением, изменением личностной смысловой позиции субъектов — объективных коррелятов, exemplificandi, ту или иную аудиторию.

Итак, аргументация — это, прежде всего, деятельность субъекта, направленная на изменение личностной смысловой позиции субъектов аудитории по отношению к тезису, которая обуславливает действия, выражающие согласие или несогласие. Аудитория — это идеальный конструкт, который не может соглашаться или не соглашаться. Соглашаются люди, типизированные аргументатором как та или иная аудитория. Это согласие относится не к утверждаемому аргументатором положению дел самому по себе, а к самому моменту утверждения этого положения дел. Согласие выражает отношение адресата к аргументатору, его позиции, оценке.

Разумеется, всякое обоснование, в том числе и доказательство, может рассматриваться в коммуникативном контексте с самим автором или другим субъектом, но не субъект является объектом моей интенции, не он мотивирует мою деятельность, а смысл высказывания. Таким образом, субъект-аргументатор с его интересами, задающими интенцию его деятельности, оказывается в основании дистинкции обоснование-аргументация.

4. Как возможна аргументация к универсальной аудитории

Можно ли вообще говорить об объективной аргументации, обращенной к универсальной аудитории, которую, очевидно, следует связать с анонимностью сообщения? В «Новой риторике» утверждается, что нельзя смешивать логику и объективную аргументацию. Аргументация всегда учитывает субъекта обращения. Дистинкция демонстрация-аргументация, рассмотренная Перельманом и Ольбрехт-Титекой, в контексте данной статьи предстает как обоснование-аргументация. Критерий различения в обоих случаях лежит в интенции аргументатора. Поставим вопрос так, а могу ли я обращаться в аргументации к трансцендентальному субъекту, субъекту как инкорнации или экземплификатору человечества? Могу. Но будет ли моя аргументация к универсальной аудитории объективной и общезначимой, то есть адекватной? Это означает, что приводимые мной аргументы и способы их связи должны убеждать всякого. Но есть ли такие аргументы, которые будут оценены как истинные, приемлемые и т.д. всяким эмпирическим субъектом в данный момент времени? Ответ очевиден — таких аргументов нет! И здесь нет противоречия, если мы вспомним, что авторы «Новой риторики», вслед за Гуссерлем, общезначимость и объективность положений связывали с *возможностью* признания, «переживания» их как очевидных или самоочевидных каждым взрослым здоровым субъектом. Становится понятно, что объективная аргументация к универсальной аудитории может кого-то и не убедить, ведь она относится к области должного, а не сущего.

Есть еще один интересный вопрос, связанный с понятием аргументации к универсальной аудитории. С одной стороны, авторы «Новой риторики» пишут о ее общезначимости и объективности. В этом случае, по-видимому, она отличается от доказательства лишь своей обращенностью к субъекту. Ученый, доказывая

теорему коллегам, обращен к ним. Его доказательство может быть рассмотрено как аргументация. Доказательство, рассмотренное само по себе, в абстракции от его носителя и адресата, объективируется, является обоснованием. С другой стороны, аргументация к универсальной аудитории также как всякая аргументация является относительной. Она есть идеальная проекция, конструктор самого аргументатора, конкретного субъекта. Термины «универсальная аудитория», «человек», «человечество» общезначимы и понятны для всех носителей языка. Но для каждого субъекта в той или иной конкретной ситуации они преобретают дополнительный личностный смысл, «переживаются» каждый раз заново. Меняюсь я сама, изменяется и мои представления о человеке. Гуссерль замечает в «Картезианских размышлениях» по поводу *Alter ego*, «другой есть всегда проекция меня самого».

Как сказано в «Новой риторике», граница между универсальной и частной аудиторией весьма условна. Анонимность аргументативного сообщения, на мой взгляд, есть не более, чем модус адресности, как всевременность — временности. В процессе аргументации я обращаюсь к субъекту как к врачу, рабочему или человеку вообще. При этом я наделяю сконструированного мною типичного врача, типичного рабочего или «человека вообще» теми чертами, которые в конечном итоге зависят от моего представления о врачах, рабочих или о «людях вообще». В этом смысле аргументация всегда субъективна. Даже, когда ученый, доказывает при помощи логических доводов нечто, он исходит из того, что его коллеги есть проекция его самого, и рациональное доказательство должно их убеждать. Воспроизводя данное доказательство студентам, он, вероятно, будет его сопровождать какими-то комментариями, чтобы быть «услышанным» этой аудиторией. В отличие от субъективности любой аргументации, в

том числе и аргументации к универсальной аудитории, представленной как доказательство для субъекта, обоснование всегда принципиально анонимно, оно направлено не на субъекта, а на содержание, или смысловое значение высказывания. Доказательство, рассмотренное со стороны содержания, объективно и независимо от индивидуального сознания, оно вневременно. Аргументация всегда предполагает аргументатора и обращена к конкретным людям, типизированным как та или иная аудитория. В этом смысле всякая аргументация есть процесс, протекающий во времени. Деление аргументации на объективную и необъективную возможно лишь на основании характера ее содержания. Вот почему в «Новой риторике» граница между демонстрацией и аргументацией к универсальной аудитории иногда кажется неопределенной.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Том 1 // Философия как строгая наука, Новочеркасск, 1994.
2. Зайцев Д.В., Зайцева Н.В. Мороз и солнце. Интерсубъективность в аргументации // Мысль. Ежегодник С.-Петербургского философского общества, №6 (Аргументация), СПб., 2006, с. 110-120.
3. Ede, Lisa S. Rhetoric Versus Philosophy: The Role of the Universal Audience in Chaim Perelman's the New Rhetoric // Central States Speech Journal 32, 1981, pp 118-25.
4. Perelman, C. and Olbrechts-Tyteca, L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation, trans. John Wilkinson and Purcell Weaver, Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008.
5. Tindale C. W. Rhetorical argumentation: principles of theory and practice, US, 2004.

6. *Zaitseva N.* Targeting versus anonymity: phenomenological issue of legal argumentation // Proceedings of the 3rd Tokyo Conference on Argumentation: Argumentation, the Law and Justice, Tokyo: Japan Debate Assosiation, 2008, pp 295-299.

Об авторе

Зайцева Наталья Валентиновна — канд. филос. наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук ВАВТ, Москва, natvalen@list.ru

About author

Dr. Natalia V. Zaitseva, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, natvalen@list.ru.

С.Л. Катречко
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ КАНТА
КАК ФОРМАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ

В статье анализируется восходящая к Канту трансцендентальная аргументация. Для доказательства полноты и непротиворечивости своей системы категорий Кант использует метафизическую и трансцендентальную дедукцию. Общим основой этих дедукций является кантова трансцендентальная логика, базирующаяся на его оригинальной теории суждений, которая выявляет трансцендентальное содержание суждений. Также обсуждается вопрос о соотношении формальной и трансцендентальной логик и возможности формализации последней.

This article analyses transcendental argumentation originating from Kant's works. In order to prove the completeness and consistency of his system of categories, Kant uses metaphysical and transcendental deduction. The common component of these deductions is transcendental logic based on Kant's original theory of judgement, which reveals the transcendental content of judgements. The author also addresses the correlation between formal and transcendental logics and the possibility of formalizing the latter.

Ключевые слова: трансцендентальный аргумент, трансцендентальная философия И. Канта, метафизическая и трансцендентальная дедукция, трансцендентальная логика, трансцендентальное содержание, теория суждений, категории, формальная онтология.

Key words: transcendental argument, Kant's transcendental philosophy, metaphysical deduction, transcendental deduction, transcendental logics, theory of judgement, categories, formal ontology.

В рамках понимания трансцендентализма как исследования с целью выявления трансцендентальных

условий познания [предметов] в современной аналитической литературе сложилось устойчивое словосочетание «*трансцендентальная аргументация*» (resp. «*трансцендентальный аргумент*» – от англ. *transcendental argument(s)*¹), под которым понимают, прежде всего, тип рассуждений, используемый Кантом в трансцендентальной дедукции категорий и примыкающей к ней аналогий опыта из «Критики чистого разума».

Общая формальная структура² трансцендентального аргумента такова:

1. E (где E – некоторый *опытный* факт).
2. P есть необходимое условие E (где P – *неопытная* «гипотеза»).
3. Следовательно, P .

По сути дела, трансцендентальная аргументация, в своем существе, выступает как общий (основной) метод философствования. Так, например, в своей «*Метафизике*» Аристотель определяет задачи *первой философии* как выявление «*первых причин сущего*», что можно интерпретировать как поиск априорного P в приведенной схеме. А ее истоки содержатся в работах Платона, Аристотеля, хотя свое решающее развитие, как отмечает А. Лосев [7], она получает у неоплатоников Плотина и Прокла, сумевших синтезировать

---

¹ В качестве технического термина «*transcendental argument*» появляется лишь в 30-е годы XX в. у Ч. Пирса и Дж. Остина (см.: Austin J.L. Are There A Priori Concepts? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 18, 1939). В 70-е годы интерес к этой проблематике возрождает книга П. Стросона «*Границы смысла*» (Strawson P.F. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. 1966) и статья Б. Страуда «*Трансцендентальная аргументация*» (Stroud B. *Transcendental Arguments* // *Journal of Philosophy*. 65, 1968). Современные штудии по трансцендентализму представлены, например, в сборнике «*Трансцендентальная аргументация*» (Stern R. (ed.) *Transcendental Arguments: Problems and Prospect*. 1999). См. также интернет-ресурс: <http://plato.stanford.edu/entries/kant-transcendental/>.

² С формальной точки зрения структура трансцендентального аргумента похожа на объяснительные схемы К. Гемпеля [1, с. 93], т.е. соответствует индуктивному способу рассуждений.

подходы своих великих предшественников в единый философский метод. При этом трансцендентальный аргумент (в свете кантовского вопроса «*Как возможно...?*») можно определить как метод идеального осмысления вещей, стремящегося выявить условия мыслимости тех или иных эмпирических данных. Например, для того «чтобы мыслить пространственно-временную вещь, уже надо иметь представление о пространстве вообще и времени вообще» [7, с. 216], а условием мыслимости зеленого цвета является понятие о цвете вообще [7, с. 49].

Трансцендентализм Канта обладает рядом особенностей. Во-первых, кантовская мысль разворачивается в условиях «эпистемологического поворота» Нового времени, когда метафизика исследует уже не первоначала *сущего*, как это было у Аристотеля и последующей схоластической традиции, а «первоначала человеческого познания»³. Соответственно, развиваемая Кантом *трансцендентальная философия* «занимается не столько предметами, сколько нашим способом познания предметов ...» [2, с. 44 (В 25)]. Это приводит к тому, что «первые причины» (*P* из вышеприведенной схемы) приобретают у Канта не *онтологический*, а *гносеологический* смысл: они выступают как [необходимо-всеобщие] *трансцендентальные условия* данности явлений сознанию [2, с. 504 (А 106)]. Во-вторых, на *P* налагается ряд дополнительных требований, цель которых придать *P* *объективную значимость*, т.е. возможность его *эмпирического применения*. Заметим, что этому — вопросу правомочности использования априорных *онтологических* предикатов (категорий) в опытном познании — и посвящена кантовская трансцендентальная дедукция. Согласно Канту, априорное *P* должно (1) подчиняться априорным условиям чувственности и (2)

---

³ «Metaphisica est scientia prima cognitionis humanue principia continens» [A. Baumgarten Metaphisica, 1743].

входить в состав *полной и непротиворечивой системы* априорных положений P' . Соответственно, формальная структура кантовского трансцендентального аргумента представима следующим образом:

- E (где E — некоторый *опытный факт*).
- [Априорное] P есть *трансцендентальное условие* E .
- Следовательно, $P (P')$.

Остановимся подробнее на втором кантовском требовании, а именно на *полноте и непротиворечивости* системы априорных положений, лежащих в основании опытного познания, в котором Кант предвосхитил современные требования, налагаемые на формальные (логику-математические) системы.

Несколько огрубляя можно сказать, что *полноту* своей системы Кант обосновывает посредством *метафизической дедукции категорий*, а ее *непротиворечивость* — посредством *трансцендентальной дедукции категорий*⁴. Хотя оба этих обоснования в кантовских текстах друг от друга четко не отделены и не являются полностью независимыми. Например, отдельные смысловые блоки *метафизической дедукции* используются Кантом и в *трансцендентальной дедукции*. При этом важным компонентом обеих дедукций является кантовская *трансцендентальная логика*.

В отличие от трансцендентальной дедукции анализу кантовской *метафизической дедукции* было уделено намного меньше внимания, хотя ее значимость для системы кантовского трансцендентализма неоспорима. Поэтому данная статья в большей степени будет посвящена именно ей.

---

⁴ Заметим, что термин *дедукция*, особенно в случае *трансцендентальной дедукции*, Кант использует не в логическом, а в юридическом смысле: дедукция — не выведение, а, скорее, обоснование правомочности использования категорий и основоположений. В составе *метафизической дедукции* она выступает и как логическое выведение, и как обоснование этого выведения.

Метафизическая дедукция в общем исследует вопрос о происхождении категорий. В ее составе можно выделить негативную (критическую) и позитивную (конструктивную) составляющие. Как правило, прежде всего бросается в глаза то, что Кант подвергает *критике* все предшествующие попытки построения метафизики как ненаучные. Вот что пишет Кант по этому поводу в своих «Пролегоменах»: «Критика [т.е. трансцендентальная философия — К.С.] относится к обычной школьной метафизике точно также, как химия к алхимии или астрономия к астрологии» [6, с. 132], или, другими словами, спекулятивная метафизика выступает для Канта «превращенной формой» (М. Мамардашвили), которая должна быть заменена научно-трансцендентальной. Искомую *метафизику* (онтологию) Кант отождествляет с *трансцендентальной логикой*, которая является «наукой, определяющей (1) происхождение, (2) объем и (3) объективную значимость» [2, с. 73 — 74] метафизических концептов. При этом глубинным ядром кантовской метафизики, ее «чисто аналитической частью...» [6, с. 87] выступает *учение о категориях*, или *аналитика понятий*.

Кантова постановка вопроса о построении *научной метафизики*, как бы мы не относились к трансцендентализму в целом, является значимой философской новацией. Ее суть состоит в том, что необходимо найти *принцип* построения *системы* метафизических концептов. В своем письме к Г. Герцу (от 21.02.1772) Кант ставит задачу найти «ключ ко всей тайне метафизики, до сих пор остававшейся еще скрытой для себя самой» [5, с. 487 — 489]⁵. И при этом Кант не только ставит эту за-

---

⁵ Ср.: «Для философа нет ничего более желательного, чем суметь вывести из одного априорного принципа и соединить таким образом в одно познание все многообразное [содержание] понятий и основоположений, которые прежде, при их применении in concrete, представлялись ему разрозненными. Прежде он только верил, что полностью накоплено то, что оставалось ему после определенного отвлечения... но это был

дачу, но и решает ее, находя *принцип* «отыскания [чистых рассудочных] понятий» [5, с. 488], или тех «немногих основных законов рассудка» [5, с. 490], лежащих в основании [научной] метафизики. Таковым для трансцендентальной философии выступают определенное «действие [чистого] рассудка», а именно его способность (функция) к образованию суждений, которая и «порождает» связанную и полную метафизическую *систему*.

Постулируемую Кантом «идею» *трансцендентальной логики* можно понимать в двух смыслах. В самом широком смысле трансцендентальная логика (в противовес *трансцендентальной эстетике*) выступает в качестве учения о познавательной способности рассудка как одного, наряду с чувственностью, из «основных стволов познания» [2, с. 46 (В 29)]. В этом смысле трансцендентальная логика является теорией познания/сознания. В узком смысле она является особой *логикой*, которая «имеет дело с определенным *содержанием*» [2, с. 120 (В 170)] и по этому основанию противопоставляется Кантом *общей* (формальной) логике [allgemeine Logik], которая «*отвлекается от всякого содержания познания... [и изучает] одну лишь форму познания в понятиях, суждениях и умозаклучениях*» [2, с. 121 (В 171)]. Определяя ее специфику, Кант говорит, что «тот же самый рассудок..., который посредством аналитического единства создает логическую форму суждения в понятиях, вносит также *трансцендентальное содержание* в свои представления» [2, с. 86]. Сопоставление этих двух цитат позволяет сказать, что трансцендентальная логика (в узком смысле) имеет дело с опре-

---

только *агрегат*; теперь же опознает, что именно столько-то — ни больше, ни меньше — может составить вид знаний; он усмотрел необходимость произведенной им классификации, что и есть понимание, и только теперь имеет он *систему*» [6, с. 83].

деленным — *трансцендентальным* — содержанием суждения.

Тем самым базисом кантовой трансцендентальной логики является его оригинальная *теория суждений*, а сама трансцендентальная логика, в свою очередь, лежит в основании метафизическая дедукция категорий Канта.

Более того, кантова теория суждений выступает основанием и для его трансцендентальной дедукции категорий. Об этом, в частности, говорится в *Началах*, где дается сокращенный вариант объективно-достаточной [трансцендентальной] дедукции. Как отмечает здесь Кант, вопрос об объективной значимости категорий может быть решен «чуть ли не с помощью одного вывода из *строго определенной дефиниции суждения* вообще (т.е. [как] акта, единственно посредством которого данные представления становятся познанием объекта [resp. превращаются из субъективных представлений сознания в объективные. — К.С.]» [3, с. 258]. Раскрытие этого заявления можно найти в § 19 2-го изд. *Критики*, где после констатации неудовлетворительности теории суждений общей логики (что справедливо, кстати, и для современной логической теории суждений)⁶ Кант высказывает главный тезис своей теории суждения: «связка *есть* имеет в суждении своей целью отличить объективное единство данных представлений⁷ от субъективного» [2, с. 105]. Заметим, что такое понимание связки «есть» хорошо коррелирует с известным кантовским тезисом о том, что «*бытие* не есть реальный предикат» [2, с. 361 (В 627)], поскольку

⁶ «Я никогда не удовлетворялся дефиницией суждения вообще, даваемой теми логиками, которые говорят, что суждение есть представление об отношении между двумя понятиями» [2, с. 104].

⁷ Выделенное нами пунктирное подчеркивание задает определение объекта как *синтетического (объ-)единения чувственного многообразия в созерцании* (см., например, [2, с. 86]; ср. с пред. цитатой, а также см. цитаты ниже).

«оно [бытие] есть только полагание вещи или некоторых определений самих по себе» [2, с. 362], т.е. его функция (как логического применения связки *есть* в суждении) состоит в том, чтобы комплексу реальных (содержательных) предикатов [вещи] придать объективный статус, а ее саму превратить в *объект*. Например, в суждении «Тела имеют тяжесть» [2, с. 105], помимо содержательной связи между *телами* и *тяжестью* (т.е. между двумя понятиями), вместе с тем утверждается, что предикат тяжести является *объективным* и приписывается самому телу, или, другими словами, субъект и предикат данного суждения связаны в самом объекте (каковым здесь является *тело*), а не в нашем сознании, т.е. наше суждение является «познанием *объекта*».

Глубинным же основанием подобной объективации, тем «действием» нашего мышления, которое формально порождает *объект*⁸ по Канту выступает *трансцендентальное единство апперцепции* (resp. *объективное единство самосознания*), благодаря которому воспринятое чувственное многообразие мыслится нами как *объект*⁹.

Учение Канта о *трансцендентальном содержании* суждения выступает развитием центрального тезиса об объективирующей роли связки *есть*. Оно отсылает нас к кантовской системе *категорий*. Как мы уже отмечали выше, заслугой Канта является то, что предлагает свой «перечень первоначальных [категорий как] чистых понятий синтеза», который является на произвольном (как это было, например, у Аристотеля), а «систематически развитым из одного общего *принципа*, а именно

⁸ Не в смысле [его] *существования*, а в смысле его [априорно-формального] *определения* как объекта познания (перифраз предложения из В 125; [1, с. 96]).

⁹ Ср. с § 18 Критики: «Трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятие об объекте» [2, с. 104].

из способности суждения» [2, с. 87; см. также с. 79] и основан на выявлении «рассудочной [логической] формы суждений» [2, 81]. По Канту, любое суждение как *функция* рассудка¹⁰ представляет собой по крайней мере троякий *синтез*. Во-первых, любое суждение «состоит» из *понятий*, которые представляют собой содержательные обобщения [синтез] единичных *созерцаний* [2, с. 80]. Во-вторых, в традиционной логике простое суждение мыслится как синтез субъекта и предиката, что связано с проявлением *логической функции* рассудка [2, с. 81]. Кроме того, Кант выявляет и третий тип синтеза, который можно было бы назвать *категориальным*, или *трансцендентальным*, *синтезом* суждения. В отличие от первого он имеет не содержательно-эмпирический, а *чистый* (формальный) характер. Как говорит в этой связи Кант, «*чистый синтез, представленный в общей форме*, дает чистое рассудочное понятие [= категорию]» [2, с. 85], и это сведение к [чистым] понятиям «не представлений (т.е. первый выделенный нами тип синтеза), а *чистого синтеза* представлений» должно изучаться не общей, а трансцендентальной логикой [*там же*]. Тем самым третий синтез выступает как (мета)синтез первого и второго синтезов: по своим *результатам* он схож с первым (понятийным) синтезом, а по своему *действию* (т.е. *функции*) — со вторым (предикативным) синтезом¹¹. Вот его ключевая кантова характеристика: «та же самая [логическая] функция, которая сообщает единство различным представлениям *в одном суждении*, сообщает также единство и чистому синтезу представлений *в одном созерцании*; это единство, выраженное в общей форме, называется чистым

¹⁰ Под функцией Кант понимает «единство деятельности, подводящей различные представления под одно общее представление» [2, с. 80].

¹¹ Ср. с рассуждением из «Прологомен», где Кант говорит, что его *категории* представляют собой результат отнесения «[логических] функций суждений к объектам вообще» [6, с. 84].

рассудочным понятием» [2, с. 86]¹². Это означает, что помимо своего содержательного обобщения [в эмпирических понятиях] *созерцания* получают также, хотя и опосредованно через функции субъекта и предиката суждений, дополнительную *категориальную разметку*, т.е. определенную *трансцендентальную характеристику* посредством их соотнесения с той или иной категорией (ср. с продолжением ранее приведенной кантовского описания *трансцендентального синтеза*: «рассудок... вносит трансцендентальное содержание в свои представления посредством синтетического единства многообразного в созерцание вообще, благодаря чему... они [= категории] а priori относятся [посредством созерцаний] к объектам [опыта]» [2, с. 86]). Тем самым категории¹³ как априорные рассудочные *формы подчиняют* себе субъект и предикат суждения, которые благодаря этому, наряду со своим эмпирически-содержательной (понятийным) и логической характеристиками, приобретают также *трансцендентальное содержание*, выступая ипостасью одной из категорий. И именно это *содержание* является предметом изучения *трансцендентальной логики*.

Подобная категориальная разметка суждения завершает начатый трансцендентальным единством апперцепции (связкой *есть*) процесс *объективации*, или *до-определения объекта*, представленного посредством субъекта суждения. Так, в приведенном суждении «Тела имеют тяжесть» *тело* относится к категории *суб-*

¹² Ср. также с кантовской *дефиницией категории*: «Они — понятия о предмете вообще, благодаря которым созерцание его рассматривается как *определенное* с точки зрения одной из *логических функций* суждения» [2, с. 98].

¹³ Прежде всего, у Канта идет речь о категориях из класса отношений. Так в «Пролегоменах» он характеризует категории как «понятия *связи* и тем самым [как] понятия самого объекта» [6, с. 87]. Суждения же рассматриваются Кантом как *связь представлений*. Соответственно, Кант выделяет три возможных типа такой *связи*: субъект — предикат, причина — следствие, часть — целое [6, с. 70].

станции, а если взять суждение «Солнце нагревает камень», то в категориальном плане *Солнце* выступает в нем как *причина* [нагревания камня]¹⁴. Тем самым суждения подобного типа «заимствуют свое объективное значение не от непосредственного познания предмета..., а всегда от чистого рассудочного понятия» [6, с. 56]¹⁵: первое — от категории *субстанции* (камень *таков*, что он обладает свойством тяжести, а его категориальное содержания суждение может быть записано так: «тело [объективно и необходимо] есть тяжелое»), а второе — от категории *причины* (солнце таково, что оно может *передавать* свою теплоту другим предметам, т.е. «солнце [объективно и необходимо] нагревает камень»).

Таким образом, кантовская теория суждений показывает принципиальную *возможность* применения категорий как «форм суждений» [3, с. 257] в опытном познании, или объективной значимости категорий. Однако здесь возникает проблема полноты и непротиворечивости этой системы категорий¹⁶. С одной стороны, пока еще не показано, что наш опыт подчиняется только кантовским категориям, т.е. кантовская система категорий, его метафизическая дедукция категорий

---

¹⁴ Этот случай анализируется Кантом в «Пролегоменах»: «Когда солнце освещает камень, то он становится теплым, — это суждение есть простое суждение восприятия [имеющего *субъективную значимость*. — К.С.] и не содержит никакой необходимости: как бы часто мы это ни воспринимали, можно сказать только, что восприятия обыкновенно связаны таким образом. Если же я говорю: солнце *нагревает* камень, то тут уже сверх восприятия привходит еще рассудочное понятие причины, связывающее *необходимо* с понятием солнца понятие теплоты, и синтетическое суждение становится необходимо всеобщим, следовательно, объективным, и из восприятия превращается в опыт [опытное суждение, имеющее уже объективное значение. — К.С.]» [6, с. 58].

¹⁵ Ср.: «[Суждения опыта] всегда требуют кроме представлений чувственного созерцания еще особых, *первоначально произведенных в рассудке понятий*, которые и придают [им] *объективную значимость*» [6, с. 55].

¹⁶ Кант говорит об этом в своей работе «О применении телеологических принципов в философии» (1788), выделяя *позитивную* и *негативную* задачи (цели) трансцендентальной дедукции [4, с. 136 — 137].

является *полной*. С другой стороны, изначальная независимость рассудочных категорий от чувственного опыта, их *дедукция* из некоторого «действия рассудка» оставляет возможность того, что категории могут применяться не только к предметам опыта, но к *предметам вообще*, что оставляет возможность расширяющей опыт метафизической спекуляции, против которой и направлена кантова трансцендентальная философия. Поэтому трансцендентализму надо решить эту двуединую задачу и показать *строгое* соответствие категорий и опыта.

Решающим аргументом в пользу этого является то, что любое наше знание конституировано как набор *суждений*. И подобно тому, что наше познание в своей первичной *эмпирической* фазе невозможно без [форм] *созерцаний* [пространства и времени], познание в своей вторичной *теоретической* фазе невозможно без *суждений*. А поскольку любое суждение имеет некоторую [логическую] *категориальную форму* и характеризуется только тем набором выявленных в метафизической дедукции *логико-категориальных* характеристик (например, суждение «*Все тела есть тяжелые*» с логической точки зрения является *общим* (количество), *утвердительным* (качество), *категорическим* (отношение) и *асерторическим* (модальность)), то оно в качестве своих *трансцендентальных условий* содержит только [кантовский] набор *категорий*, которые выполняют роль своеобразной фоновой среды, или концептуального «пространства», аналогично той роли, которые выполняют *пространство и время* для созерцаний. Поэтому категории являются необходимым компонентом [теоретического] познания, каковым выступает, например, наука: без них невозможно помыслить аподиктический статус опытных суждений, каковыми являются *законы*, — а следовательно *синтез* представлений в суждениях такого рода [кантовских суждениях опыта] является не

субъективной игрой нашего воображения, а имеет *объективную значимость*, т.е. выражает действительное (объективное) положение дел. И именно об этом свидетельствует, по Канту, связка *есть* с необходимостью присутствующая в каждом суждении.

Тем самым *позитивная* задача (resp. проблема полноты) дедукции, которая в *Началах* формулируется Кантом так: «*каким образом* возможен опыт посредством этих категорий и только благодаря им?» [3, с. 258] — решена. При этом представленный нами выше аргумент является, по сути, расширенным вариантом *объективной достаточной дедукции* категорий из тех же кантовских *Начал*¹⁷, в котором, в отличие от кантовского варианта дедукции из 2-го изд. *Критики*, мы сделали упор не на *понятии* (каковым *формально-логически* является категория), а на *суждении*¹⁸ (поскольку *трансцендентально* категория выражает его *форму*), «внутри» которого определяется *объект* посредством кантовских онтологических категорий, что, как кажется, делает нашу аргументацию более элегантно и прозрачно.

Решение *негативной задачи* дедукции (resp. проблемы непротиворечивости; [4, с. 136]), если опираться на текст *Критики*, хотя и примыкает к трансцендентальной дедукции, но все же выводится Кантом из ее состава. *Негативная дедукция* как проблема соотношения категорий и созерцаний излагается прямо или косвен-

¹⁷ «... Дедукция проведена *вполне* достаточно уже тогда, когда показывает, что категории суть не что иное, как только формы суждения, поскольку эти последние применяются к созерцаниям (которые у нас всегда лишь чувственные), и единственно благодаря чему они получают объекты и становятся познаниями» [3, с. 257]. При этом *позитивная* задача дедукции сформулирована в подчеркнутой нами первой части фразы, а *негативная* дедукция может быть соотнесена со второй частью фразы.

¹⁸ Ср. с цитатой из *Начал* о том, что задача дедукция может быть решена чуть ли не посредством одного вывода из [кантовской] дефиниции суждения [3, с. 258; см. выше].

но в разделе «О схематизме чистых рассудочных понятий» (косвенно¹⁹) и заключительных разделах «Аналитики», прежде всего в разделе «Об основании различении всех предметов вообще на *phaenomena* и *noumena*» (прямо), хотя эта тема в фоновом режиме присутствует также и в самом дедуктивном аргументе.

Суть этой проблемы заключается в том, что изначально, в метафизической дедукции категорий и в отличие от априорных форм чувственности, категории вводятся Кантом как нечто независимое от чувственности и опыта, что означает, что категории в принципе могут иметь более широкую область своего использования и применяться не только к вещам для нас, но и *вещам вообще* [2, с. 187]²⁰. Кант называет такое применение *трансцендентальным* [там же]²¹. В этом случае подобные понятия (*resp.* категории) не имеют никакого смысла, т.е. «объективной значимости и суть лишь игра [нашего] воображения...» [там же]. «Вот почему необходимо сделать чувственным всякое абстрактное понятие, т.е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие... было бы бессмысленным, т.е. лишенным значения²²» [там же]. Такое применение понятий, ограниченное условия чувственности²³, Кант называет *эмпирическим*, единственно которое является правомерным для использования в возможном опыте. Причем интересно отметить, что в качестве примера подобного соотнесения Кант обращается к математике, которая «выполняет это требование, конструируя фигуру» [2, с. 188], что

¹⁹ Понятия (категории) соотносятся с созерцаниями посредством *схем*.

²⁰ Ср.: «Трансцендентальное применение понятия... относится к вещам *вообще* и *самим по себе*, а эмпирическое — только к явлениям, т.е. к предметам возможного *опыта*» [2, с. 187].

²¹ Хотя точнее назвать такое применение не *трансцендентальным*, а *трансцендентным*.

²² Ср. с семиотическим треугольником Фреге.

²³ См. изложение *негативной дедукции* в *Началах* [3, с. 257; см. сноску 17 выше] и *Принципах* [4, с. 136].

говорит о том, что парадигмой *объективного существования* для Канта выступают скорее не эмпирические объекты физики, а *конструктивные математические объекты*. В случае эмпирического применения система априорных основоположений будет непротиворечива, т.е. задача *негативной* дедукции решена. При этом Кант совершает уже как бы *анти-коперниканский* переворот, поскольку, как он утверждает, было бы ошибочным (неправомерным) если бы «предметы, т.е. возможные созерцания, [должны были бы] соотнобразываться с понятиями, а не понятия — с возможными созерцаниями (на которых только и покоится объективная значимость понятий)» [2, с. 212].

В заключении коротко коснемся вопроса о том, может ли кантова трансцендентальная логика трактоваться как современный логический формализм, т.е. как дедуктивная система, имеющая свою систему аксиом и правила вывода. На наш взгляд, идея трансцендентальной логики Канта заключается в том, что при разработке *синтаксических* формализмов необходимо учитывать *семантику* (онтологию) универсума, в частности его структурную и качественную разнородность, что ведет к необходимости вводить определенные семантические («содержательные») ограничения на формальные (синтаксические) логические выводы путем трансцендентальной разметки формальных объектов логических систем. В этом смысле трансцендентальная логика является скорее *формальной онтологией*, или *онтологикой* и представляет собой набор постулатов значения (Карнап). Можем ли формально, абстрагируясь от онтологического содержания определить понятия *причины* или *субстанции*? Понятно, что, например, *Солнце* является причиной нагревания вот этого камня, но оно не является причиной вообще, или причиной нагревания любого камня. Аналогично обстоит дело и *камнем*, который выступает субстанции-

ей для своих акциденций, но не является субстанцией для любых акциденций (например, той же тяжести) или не является субстанцией вообще. С одной стороны, на трудность адекватной формализации трансцендентальной логики указывает, в частности, невозможность полной и адекватной формализации причинной связи в рамках релевантных логик. С другой стороны, очевидно, что для кантовских категорий группы «отношение» справедливы определенные логические отношения. Например, содержательные соображения подсказывают, что кантовские категории *субстанции* и *причины* должны быть нереклексивными и асимметричными, а категория *причины*, в отличие от *субстанции*, обладает (ограниченной) транзитивностью.

Подведем итог. Трансцендентальная метафизика Канта представляет собой *формальную онтологию*, т.е. теорию об *объектах* вообще. Понятие *объекта* (как и *связи*) не может быть дедуцировано из чувственного опыта, а «вкладывается [в опыт] нами самими» [2, с. 19; кантовский коперниканский переворот]. Это дает возможность применять для описания *объектов* чистые [= *формальные*] априорные понятия рассудка, или *категории*, которые Кант называет также «онтологическими предикатами». Для обоснования правомерности подобной онтологии мы должны, во-первых, задать *принцип* выведения и осуществить метафизическую дедукцию категорий, а, во-вторых, в трансцендентальной дедукции доказать правомерность их использования в опытном познании, т.е. ограничить использование категорий лишь их *эмпирическим* применением. В основании как метафизической, так и трансцендентальной дедукций лежит то обстоятельство, что *суждения*, единственно при помощи которых мы мысленно фиксируем наш опыт, имеют не только логическую форму, но и особое *трансцендентальное содержание*, которая фикс-

сируется категориями. Именно в этом и состоит кантова теория суждений и его идея трансцендентальной логики, которая представляет собой скорее *онтологику*, чем формализм современного типа.

Список литературы

1. Гемпель К. Г. Логика объяснения. М.: ДИК, РФО, 1998.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
3. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т.4. М.: Чоро, 1994.
4. Кант И. О применении телеологических принципов в философии // Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994.
5. Кант И. Письма [избранные] // Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т.4. М.: Чоро, 1994.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. с. 192, 215 (см. также Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975, с. 71 – 72).

Об авторе

Катречко Сергей Леонидович - канд. филос.н., доцент кафедры философии естественных факультетов, МГУ им М.В.Ломоносова, Москва, skatrechko@gmail.com.

About author

Dr. Sergey L. Katrechko, Associate Professor, Department of Philosophy for the Faculties of Natural Sciences,

Mikhail Lomonosov Moscow State University,
skatrechko@gmail.com.

А.Г. Кислов¹

КУЛЬТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДОСУГА: ПОЭТИКА ЗАДАЧ И РИТОРИКА РЕШЕНИЙ

Статья посвящена анализу поэтики задач и риторики решений, указанных в качестве концептуальной основы культуры интеллектуального досуга или, другими словами, «каникул разума» (Г. К. Честертон). Рассматриваются основные авторы, сформировавшие современный взгляд на это явление.

This article is devoted to the analysis of poetics of tasks and rhetoric of solutions, which form the conceptual basis for the culture of intellectual leisure or, in other words, 'mental holiday' (G. K. Chesterton). The article considers the main authors who have formed the modern view on this phenomenon.

Ключевые слова: головоломки, интеллектуальные развлечения, поэтика задач, риторика решений, пифагореизм.

Keywords: puzzles, mind sports, poetics of tasks, rhetoric of solutions, pythagoreanism.

Анаксагор из Клазомен (500 – 428), по свидетельству Плутарха (в сочинении “*De exilio*” гл. 17), находясь в 434 году в тюрьме, отгонял печаль заключения математическими размышлениями и «начертил квадратуру круга» [3, с. 11].

Вопросы кроссидентификации

В самом словосочетании «культура интеллектуального досуга» каждое из слов, стоящих по краям, в из-

---

¹ Автор признателен Ирине Николаевне Грифцовой за чудесную «подсказку», которая помогла мне вспомнить о давнем интересе к головоломкам.

вестном смысле конфликтует со словом, расположенном в центре.

Во-первых, нередко имеет место если не противопоставление, то существенное разграничение *сферы культуры* и *сферы интеллекта*. Конечно, радикальная позиция, совсем отказывающая разуму в творческом начале, а потому и не усматривающая в интеллектуальности никакого показателя человеческой ценности, чаще всего случается лишь в поспешных полемических выпадах, в необдуманых попытках занять и выразить ригористическую точку зрения там, где стоит быть внимательнее и осторожнее. Нам в связи с этим вспоминается реплика многозначительного возмущения, которой на обсуждении доклада по использованию математических средств в областях права (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург) попыталась сразу пресечь всякие возражения в адрес собственной позиции уважаемая в городских кругах дама: «Я же говорю о культуре, а не о математике!». Простим ей этот безупречный образец «дамского аргумента», тем более что в аудитории реплика вызвала лишь веселый смех, а другого успеха не имела. В качестве же извинения за нашу злопамятность, условимся считать эту реплику вторым эпиграфом к статье, и, соответственно, будем вести речь исключительно *о культуре*, причем как раз там, где другие преимущественно видят *математику*.

Как бы то ни было, обозначенная нами конфликтность понятий кроется совсем не в отрицании самой возможности интеллектуального творчества как такового, а в нашей неспособности, вероятно — принципиальной, отчетливо дифференцировать рациональные и нерациональные (интуитивные, чувственные) составляющие искусства и творчества, в том, что сам статус *интеллектуальной культуры* остается весьма неопределенным. Не то, чтобы «поверить алгеброй

гармонию нельзя», но все же хотелось бы понимать — к чему «такая роскошь». Поскольку задачи решать данную проблему мы перед собой не ставим, то, полагая очевидной всю специфику опыта социального функционирования рациональных способностей человека, вынужденно, но — осознанно оправдывая здесь недифференцированную широту позиции, именно этот особый, причем взятый во всей полноте своих семиотических отношений, концентрированный опыт поколений и предлагаем называть интеллектуальной культурой.

Вторая сторона конфликтности заключается в привычном противопоставлении *всего интеллектуального*, как сферы чего-то сложного, требующего напряженного умственного труда, и *любого досугового*, как сферы простого, легкого, не ломающего человеку голову, а напротив, дарующего ей расслабление и, соответственно, заслуженное (но как?!) отдохновение. К нелепой несовместимости *homo sapiens* и *homo ludens*, нехитрым способом преодолевая существующий между ними антагонизм, приходят как те, кто вовсе не намерен «маршировать на параде бледных умников» (Ст. Фрай) и в брутальном порыве отказывает любым интеллектуальным проявлениям в *подлинной* человечности и самостоятельной жизненности, так и те, кто не приемлет всяческую праздность и «популярщину», считая увлечение головоломками лишь интеллектуальным фокусничеством, а значит — жульничеством, кто вовсе исключает сферу досуга из (опять же!) *подлинной* культуры, из культуры, достойной внимания здравомыслящего человека.

Мы же, следуя мнению, что «головоломка в противоположность задаче представляет собой нечто такое, от решения чего вы получаете удовольствие — в противном случае, с какой стати вы стали бы ее ре-

шать?»², постараемся преодолеть указанную конфликтность в любых ее проявлениях³, и не столько в попытках определить наш сложный по природе предмет обсуждения, сколько посильным образом *идентифицируя* его (здесь и в дальнейшем) *сквозь* «историю в лицах», *сквозь* предметное богатство — головоломки самых различных видов, интеллектуальные игры (настольные и близкие к ним, а сейчас и их компьютерные версии), инженерные «кунстштюки» типа кубика Рубика или других «современных бирюлек», многие образцы научно-популярной литературы и т. п., а главное, *сквозь* многообразие тех видов деятельности, прежде всего — образовательной и клубной, словом тех «пифагорейских штудий»⁴, что актуально реализуют в культуре потенциал идеи интеллектуального досуга.

Корифеи интеллектуального досуга

Следует уточнить, что здесь из нашего рассмотрения исключаются классические работы, подобные

² Из поздравительной речи доктора Силвэна Мура, произнесенной в Регент-клубе (Лондон, 1954), цит. по [4, с. 11].

³ В дополнение, посредством факультативной сноски, приведем показавшуюся нам любопытной версию успешного преодоления аналогичного, но уже сугубо внутриличностного конфликта, принадлежащую известному и весьма экстравагантному англичанину Стивену Фрау: «... я мог обратиться в одного из тех жутковатых придурков, антисоциального толка либералов правых наклонностей, которые полагают, будто их умение разбирать анаграммы и перекручивать кубик Рубика есть серьезный показатель умственных способностей. При всем при том я и сам иногда не прочь разобраться с кубиком Рубика и горжусь моей сноровкой по части быстрого решения кроссвордов «Таймс». Однако я оправдываю сие греховное тщеславие, уверяя себя, что делаю все это лишь для того, чтобы доказать: человек может играть в подобные игры, не обращаясь в непристойного бородатого дурака из «Союза свободы» или чокнутого а-ля Клайв Синклер» [49, с. 168]. Следует указать, что К. Синклер — это тот, кто создал и в 1972 году пустил в производство «тонкий» калькулятор.

⁴ О пифагореизме см. [22, с. 332–346; 48, с. 138–156, 465–505; 55], а также [6, с. 102–116; 8; 26].

целиком состоящей из задач и упражнений книге Леонардо Пизанского (Фибоначчи) «*Liber abaci*» (1202), благодаря которой европейцы познакомились с достоинствами индийской (позиционной) системы счисления, или сборнику «Приятных и занимательных задач» (1612) сира Баше де Мезирака, который сыграл немаловажную роль в становлении теории чисел, или породившей структурную кристаллографию шутке-миниатюре Иоганна Кеплера «Новогодний подарок, или О шестиугольных снежинках» (1611) [30, с. 5–32]. Такие работы целиком принадлежат истории науки и, несмотря на довольно броские названия, имеют отношение к интеллектуальным забавам не большее, чем любая другая форма интереса к знаниям в те далекие века. Хотя стоит отметить факт, что с тех пор как «Пифагор преобразовал занятия геометрией в свободную дисциплину, изучая ее высшие основания и рассматривая теоремы *in abstracto* (собств. «в отвлечении от материи», αὐλως) и ноэтически» (Прокл) [48, с. 141], самая серьезная наука рождается именно из увлечений. Представить же обзор самых значительных, «задающих тон», «ставящих планку» авторов, а точнее – собирателей и сочинителей, известных по литературе, посвященной именно интеллектуальному досугу, не так уж трудно, причем, просто в силу довольно ограниченного количества «самых-самых», каждый из которых, в какой то мере – «существо, подобное Пифагору» [48, с. 141].

Начинают обычно с оксфордского математика Чарльза Лютвиджа Доджсона (1832–1898), широко известного под псевдонимом – *Льюис Кэрролл*. Этот автор, сложная, оригинальная и загадочная личность, в специальном представлении не нуждается, мы только отметим его синтетический талант. Кэрролл известен, прежде всего, как ярчайший представитель, наряду с Эдвардом Лиром, английской литературы абсурда, со-

чинитель умных (или все же безумных?!) сказок о приключениях Алисы⁵ и нонсенса «Охота на Снарка» [35]. Но он же и пионер фотографического искусства, и искусный изобретатель и фокусник, и любопытный логик [34], и, что особенно важно для нас здесь, автор великолепных, ставших классическими образцами, головоломок и парадоксов [33]. А еще, мы воспользуемся образной и удивительно точной характеристикой, которую Гилберт Кийт Честертон дал творчеству Кэрролла, нарекая его «каникулами разума» («*mental holiday*») [36, с. 232–240], и поспешим экстраполировать эту своеобразную оценку на все возможные форматы интеллектуального досуга, тем самым, уточняя концептуальные особенности рассматриваемой субкультуры. Следует отметить, что такого внимания со стороны гуманитарного знания, в частности, со стороны философии⁶ – от аналитиков до психоаналитиков, которое было уделено фигуре Кэрролла, не удостоился больше ни один из тех корифеев интеллектуальных забав, кто будет рассмотрен далее. Таково «счастье» быть первым в ряду.

Следующим, по праву, указывается Сэм Лойд (1841–1911), признанный гений головоломок, мастер занимательных задач [37], начавший традицию вести соответствующие рубрики в журнале «*Scientific American*». Лойд, впрочем, вел только шахматную страничку в приложении к журналу, но о причудливой изобретательности автора говорит уже тот факт, что каждая его статья начиналась с заглавной буквы, выложенной фигурами на доске и представляющей собой оригинальный шахматный этюд. Синтетичность его таланта

⁵ Наиболее информативным изданием перевода «кэрролловской Алисы» на русский язык, своего рода – русской версией «аннотированной Алисы», считается издание перевода Н. М. Демуровой с комментариями, дополнениями и приложениями [36].

⁶ В качестве характерного примера укажем лишь на обильное использование кэрролловских тем в [20].

проявлялась в том, что он не только был ярчайшим представителем простого, демократичного стиля в культуре интеллектуального досуга, но и, видимо вследствие этой ярмарочной легкости, успешным коммерсантом, неплохо зарабатывавшим на публикуемых в журналах и сборниках головоломных миниатюрах, на отдельно издаваемых картонных задачах на составление фигур, на тиражируемых производственным способом механических головоломках и др. А сделано Лойдом было чрезвычайно много, большинство его забавных миниатюр нам хорошо известны, хотя авторство их указывается крайне редко. Показательна, например, история головоломки, которую Лойд сочинил, будучи еще подростком, в ней требуется, разрезав картинку вдоль линий и переставив ее части, помочь нарисованным наездникам «заставить осликов мчаться галопом». Хозяин одного городского цирка приобрел у Лойда право издания этой картинки и под названием «Волшебные ослики Барнума» стал выпускать ее в продажу миллионными тиражами, говорят, что так юный Лойд заработал десять тысяч долларов [11, с. 177; 12, с. 85–86]. Другая «коммерческая история» состоит в том, что некий концерн обратился к Лойду с просьбой приспособить как-нибудь побочный продукт производства — крупную партию цветных картонных квадратов, на их основе Лойд с легкостью сочинил якобы традиционную индейскую игру «парчези» (эта игра распространена в США и сейчас) и предложил продавать ее на улице за весьма скромную плату. Говорят, решение далось Лойду так легко, что он согласился лишь на символическое вознаграждение в десять долларов, и не прогадал, история эта добавила известности изобретателю. Однако самой популярной и успешной с коммерческой точки зрения головоломкой была, безусловно, изобретенная Лойдом «Игра в пятнадцать». Успех этой головоломки удивительно по-

хож, конечно, если учитывать полувековую разницу, на тот «массовый психоз», который наблюдался в связи с появлением кубика Рубика, причем математические, относящиеся к области комбинаторики, достоинства двух этих головоломок оказались ничуть не меньшими, чем их коммерческий успех. Дело отца продолжил Лойд-младший, в большей степени коммерсант и издатель, чем сочинитель, он через тридцать лет после смерти Лойда-старшего издал гигантскую «Энциклопедию головоломок» (1941), остающуюся и по сей день самой обширной коллекцией занимательных задач⁷.

Генри Эрнест Дьюдени (1857–1930) — английский современник и коллега Лойда (иногда они печатались в одних журналах и по переписке довольно регулярно обменивались своими находками), но, вместе с тем, бесконечно на него не похожий, что является хорошей иллюстрацией к традиционному обсуждению принципиальных различий английской и американской культур. Головоломки Дьюдени были сдержанны, даже скромны в изложении, но глубоки по своему математическому содержанию и философичны, а многочисленные лойдовские остроумные игрушки и рекламные трюки он считал лишь детской забавой. Если Лойду присущ ярмарочный дух массового производства (картонный в те времена и, очевидно, пластмассовый сегодня), то для Дьюдени характерны персональные выступления с докладами перед Лондонским королевским обществом, причем с демонстрацией решения задачи на разрезание геометрических фигур посредством искусно выполненной модели из красного дерева с бронзовыми шарнирами. Его самая известная книга [24] написана в жанре дополнения к классическому тексту английской литературы XIV века — к

---

⁷ Известные нам популярные собрания головоломок американских составителей существенным образом опираются на энциклопедию Лойда-младшего, используя ее статьи и рисунки.

«Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера. Вообще же перу Дьюдени принадлежат шесть сборников головоломок [23], все они без сомнения относятся к популярной литературе, но в них он сумел предвосхитить некоторые результаты современной математики, например — в области топологии, и потому многие его задачи в научном мире называют не иначе как «находками Дьюдени».

Настала пора перейти уже к более современным мастерам интеллектуальных забав. И первым, во всех значениях этого слова, из них будет назван *Мартин Гарднер* (1914–2010)⁸, популяризатор науки, искусный изобретатель и крайне разборчивый коллекционер занимательных задач, интеллектуальных игр и фокусов. Он автор трех десятков книг интеллектуально-досуговой тематики⁹, которые составлял, как правило, на основе собственных статей в математических или научно-популярных журналах и обильной переписки со своими коллегами и читателями. Гарднер обучался на философском отделении Чикагского университета, где тогда преподавал знаменитый Рудольф Карнап и интерес к математической логике и основаниям математики был распространен среди студентов, вследствие чего выпускная работа Гарднера была посвящена вопросам философии и методологии науки. К тому времени он уже опубликовал брошюру о фокусах, которыми интересовался с детства; навык демонстрировать фокусы, например, на рождественских распродажах, нередко помогал преодолевать традиционные для студенческих лет материальные затруднения. Работа в пресс-бюро университета была прервана Второй ми-

---

⁸ Работа над этим текстом уже шла и были опубликованы его первые версии, когда стало известно, что 22 мая 2010 года на 96 году жизни Мартин Гарднер скончался.

⁹ Вот, очевидно, не полный список его работ, изданных на русском языке – [9 – 19].

ровой войной¹⁰, мирная жизнь продолжилась также в журналистской среде, а попутно Гарднер становится довольно популярным писателем-фантастом и даже детским писателем. И вот, в середине 50-х годов прошлого века, происходит знаменательное для дальнейшей судьбы корифея интеллектуальных развлечений, но само по себе вполне заурядное событие — буквально на досуге внимание Гарднера привлекли гексафлексагоны, правильные шестиугольники, особым образом сложенные из бумажных полосок. Эти фигурки проявляли неожиданные свойства при перегибах, ими было довольно любопытно фокусничать, о чем и была написана небольшая, доступная по содержанию и легкая по стилю статья [12, с. 11–23]. Редакция журнала «*Scientific American*» не только с радостью приняла текст к публикации, Гарднеру сразу предложили стать ведущим новой рубрики «*Mathematical Games*», и далеко не сразу самому успешному в дальнейшем и продолжительному — с 1957 по 1981 годы — ее ведущему стало ясным забавное, но символичное соответствие начальных букв названия рубрики и собственных инициалов. Аббревиатура «MG» надолго стала брендом культуры интеллектуального досуга благодаря таланту Гарднера видеть повод для умных развлечений даже в самом обыденном — в полосках и листах бумаги, в зеркальных отражениях, в начертаниях букв и цифр, в плиточной мозаике, в знакомых с детства настольных играх и во многих других вещах, делая эти предметы необычными, даже таинственными. А главное, он умел находить тех авторов интеллектуальных забав, кому этот талант был присущ в не меньшей степени, и вовлекать их в свое творчество, насыщая темы и сюжеты, традиционно считающиеся математическими, духом гуманитарной культуры.

---

¹⁰ До самого ее окончания Гарднер служил сигнальщиком на эсминце военно-морского флота США.

В отличие от Гарднера, его современник *Рэймонд Смаллиан* (р. 1919) был, прежде всего, блестящим ученым, автором фундаментальных трудов по теории формальных языков, он лишь в довольно солидном возрасте посвятил себя «несерьезной» литературе по логике, оказавшись непревзойденным мастером своего дела. Но, как и Гарднер, Смаллиан также изучал философию в Чикагском университете, причем уже непосредственно у самого Карнапа, и также, что примечательно, в студенческие годы подрабатывал демонстрацией фокусов. Степень доктора философии он получил в Принстонском университете, а со временем стал заслуженным профессором математики и философии самых престижных учебных заведений страны, признанным специалистом по теории доказательств, теории рекурсивных функций и искусственному интеллекту. Для Смаллиана характерен широкий круг увлечений, которые в его жизни занимали не меньшее место, чем профессиональная научная деятельность. Он не перестал серьезно интересоваться искусством престижжигитатора, сочинял великолепно беллетризованные сборники шахматных задач, будучи профессиональным пианистом, занимался исполнительской деятельностью и теорией музыки, написал в высшей степени оригинальное введение в даосизм под названием «Дао безмолвствует» и многое-многое другое. Однако широкую известность Смаллиану принесли книги по занимательной логике, «территории», не освоенной еще культурой интеллектуального досуга должным образом. Уже по автореферентному названию первой книги — «Как же называется эта книга?» [45] — можно судить об особенностях авторского чувства юмора, а ее содержание позволило понять, что глубину предмета, вплоть до введения в самую суть эпохальных ограничительных результатов Курта Гёделя, автор осваивает, обладая блестящим литературным талантом и бук-

важно кэрролловской любовью к интеллектуальным играм и парадоксам [44; 46].

Достоинно завершает плеяду корифеев интеллектуального досуга также американец *Даглас Хофштаттер* (р. 1945), сменивший Гарднера на посту ведущего соответствующей рубрики журнала «*Scientific American*», но не осмелившийся работать под знаком «MG», однако сегодняшнее название рубрики — «*Metamagical Themas*» («Мета-магические темы») — является анаграммой прежнего, лукаво свидетельствуя собой и о преемственности, и о признательности. Любовь к анаграммам и прочим словесным игрушкам является визитной карточкой Хофштаттера. Прославился он благодаря своей первой книге, сразу же удостоенной на родине автора Пулитцеровской премии. Сегодня этот настоящий бестселлер во всем мире именуют аббревиатурой «ГЭВ», а полное название — «Гёдель, Эшер, Бах. Вечное золотое переплетение. Метафорическая fuga о человеческом разуме и машинах в духе Льюиса Кэрролла» [50]¹¹. Хофштаттер оказался замечательным учеником своих предшественников, он излагает самые сложные вопросы из таких областей науки как математика, логика, генетика, нейрофизиология, психология и философия, прежде всего, изящно и увлекательно. В соответствии с указанной триадой великих имен, автор устраивает драматическое переплетение трех культурно-смысловых рядов — логико-математического, визуального и музыкального, оттого так легко пофантазировать, будто он мог бы быть од-

---

¹¹ При переводе на русский язык, выражением «эта бесконечная гирлянда» не совсем точно передали английскую фразу «an Eternal Golden Braid», зато сохранили лелеемый автором повтор начальных букв «ГЭВ». Выразить единство Гёделя, Эшера и Баха было настолько важным для Хофштаттера, что он собственноручно изготовил из (опять же!) красного дерева триплеты «ГЭВ» и «ЕГВ», то есть резные блоки, сделанные таким образом, что три их возможные тени, отброшенные под прямым углом, являются тремя разными буквами.

ним из тех литературных героев-интеллектуалов, что проживают в мире «Игры в бисер» Германа Гессе. Реальный же Даглас Хофштадтер — сын лауреата Нобелевской премии по физике Роберта Хофштадтера, учился в Стэнфордском университете, в университете Орегона защитил диссертацию по физике, сейчас он активно работающий ученый, член Американской ассоциации кибернетики и общества когнитивистики, руководитель Центра по изучению творческих возможностей человеческого мозга¹². Как «ГЕВ», так и вся научная деятельность Хофштадтера посвящены одной красивой и популярной еще с античных времен философской проблеме авторефлексивности мышления — способности познавать самого себя.

«Mental holiday»: английский феномен и кросс-культурный характер интеллектуальных развлечений

Что же делали все эти мастера, занимаясь своими головоломками, и теми, что можно взять в руки или хотя бы нарисовать, и теми, что можно лишь помыслить? Они развлекались или все же трудились? И последний вопрос — почему же они все были англоязычными?

Как уже говорилось, согласно Честертону, они устраивали каникулы разуму. Ведь со школьных лет ясно, настоящие каникулы заключаются не в том, чтобы совсем ничего не делать, а в том, чтобы делать что-то в свое удовольствие. И потому бесполезность интеллектуальных забав должна пониматься лишь в смысле Оскара Уайльда, для которого подлинное счастье, что «искусство бесполезно». Головоломки могут иметь скрытую практичность или быть непрактичными во все — это не важно, мастерство работы с ними выра-

---

¹² Еще одна его книга на русском языке — [52]; доступен и перевод фрагментов его книги “Fluid concepts and creative analogies” [51].

тает независимо от утилитарного спроса и требует синтетического таланта — страсти совмещать несовместимое. Здесь-то и таится надежда подлинного творчества — способность однажды вновь увидеть мир по-новому, а в воспитании этого навыка заключается общечеловеческое основание культуры интеллектуального досуга. Ну а тайна мастерства работать легко, без пафоса и в свое удовольствие остается тайной.

Потому-то ответить окончательно и бесповоротно на последний вопрос мы пытаться не будем, хотя такой феномен, как «веселый и эксцентрический английский национальный гений» [21, с. 28], гений нон-сенса и абсурда, обсуждается довольно-таки часто. Действительно, в значительно меньшей степени известны нам неанглоязычные классики литературы по интеллектуальному досугу, но и их, безусловно, немало: выдающийся немецкий математик *Герман Вейль*, в конце жизни написавший¹³ довольно популярное сочинение по вопросам симметрии [7]; голландец *Дионис Бюргер*, «продолживший дело» англичанина *Эдвина Э. Эбботта* по освоению «плоского мира», теперь их традиционно объединяют в одну книгу [53]; датский тополог и изобретатель интеллектуальных игр *Пит Хейн*, задолго до знаменитого Джона Нэша, придумавший игру в гекс [12, с. 74–83]; французы — от *Клода Гаспара Баше* и *Тома Тита* [47], до *Эдуарда Люка* и *Жана-Пьера Пети*¹⁴. Все они замечательные авторы, но никто из них не приобрел в мире интеллектуальных забав того веса, который позволил бы им стоять в ряду корифеев.

Справедливо будет отметить и отечественных классиков занимательной литературы, они нам хоро-

¹³ Впрочем, на основе лекций, прочитанных им, в Принстонском университете (США), и потому — на английском языке.

¹⁴ Самая известная книга Пети — «Приключения Ансельма Лантюрлю», см. также [43].

шо знакомы. Первым должен быть назван во всех смыслах загадочный *Леонтий Магницкий* (1669–1739), любимец Петра I и автор той самой «Арифметики» [38]¹⁵, которая наряду с «Грамматикой» Смотрицкого, по замечанию М. В. Ломоносова — «врата учености». Занимательным задачам посвящен целый раздел «Арифметики» с характерным названием «Об утешных неких действиях через арифметику употребляемых». Швейцарца по рождению, но известнейшего петербуржца *Леонарда Эйлера* (1707–1783), автора пропедевтических и натурфилософских «Писем к немецкой принцессе» [54], ученого с мировой славой, знают еще и благодаря его великолепному анализу топологической головоломки про кенигсбергские мосты, теперь ее называют не иначе как «задача Эйлера»: можно ли пройти все семь мостов только по одному разу и вернуться в исходное место? Далее укажем только три фигуры: *Е. И. Игнатьева*, вышедшие в самом начале прошлого века сборники занимательных задач которого [28] — единственные русскоязычные тексты, встречающиеся в обширной библиографии М. Гарднера; широко известного автора книг по занимательной математике *Я. И. Перельмана* [40 — 42]; и незаслуженно забытого, на наш взгляд, наиболее талантливого — *С. П. Боброва* с его шедевром назидательности «Волшебный двурог» [5]¹⁶ и другими работами. Подавляющее большинство книг российских авторов, которые вышли за прошлый век и относятся к культуре интеллектуального досуга, имеют явный «образовательный крен» и предназначены исключительно подрастающему поколению. Социальные причины этого известны и в значительной степени негативны, а вот приоб-

---

¹⁵ См. также [39, с. 10–31].

¹⁶ Полное название книги обладает несомненным пантагрюэлизмом и по смаллиановски автореферентно.

ретенным литературным опытом, на наш взгляд, все же не следует пренебрегать.

Самое время заметить, что при всем многообразии национальных культур авторов и особенностях их подходов к умным развлечениям, в полном соответствии со словами Дьюдени: «Любопытная склонность к созданию головоломок не отличает какую-либо расу или исторический период. Она с рождения заложена в каждом человеке независимо от того, когда он пребывал на земле, хотя может проявляться в самых различных формах. Не играет роли, кому конкретно она приписывается, египетскому ли сфинксу, библейскому Самсону, индийскому факиру, китайскому философу, тибетскому махатме или европейскому математику» [24, с. 9-10], — ценными могут оказаться как модели, тщательно выполненные из красного дерева, так и общедоступные картонные поделки. Просто в культуре интеллектуального досуга форматы исполнения различаются контекстуально и всякий раз решают частные, например, просветительские, воспитательные, или даже — художественные, задачи, также как контекстуально различаются задачи искусства — от высокого до популярного. Однако все интеллектуальные развлечения, так или иначе, преследуют одну цель — устроить разуму увлекательные каникулы, а вот формат их осуществления зависит и от характера аудитории, и от ресурсов, и от временных рамок, и еще от множества других факторов, баланс которых и призван сохранять крайне зыбкую, неравновесную *систему* истины, добра и красоты. Решение головоломок дарит нам особый опыт откровений, и на этот не лишенный радости путь познания поколение за поколением вступают те, для кого пифагорейский *союз* (σὄτροφια) открыт хотя бы по выходным дням и в минуты досуга.

Поэтика и риторика головоломок, или Немного здорового пифагореизма

Но не только индивидуальность каждого автора определяет стиль головоломок, хотя, конечно, легко согласиться с известной сентенцией господина Бюффона — *“le style c’est l’homme meme”* («стиль — это человек»); и не только литература по интеллектуальному досугу подлежит жанровой квалификации. Без всякого сомнения, более интересен жанрово-стилевой анализ самих головоломок, общие черты которого мы только начнем здесь обсуждать.

Обычно головоломками называют ту разновидность интеллектуальных задач, поиск решения которых неочевиден, каким-либо хитроумным образом скрыт. В самом начале приводилась цитата из речи доктора С. Мура, где головоломки противопоставляются остальным задачам на основании некой особенной и существенной составляющей, а именно — на основании того эстетического удовольствия, которое приносит их решение. Продолжим эту цитату: «Я не думаю, что ответ непременно должен удивить вас, однако, мне кажется, вовсе неплохо, когда, узнав его, вы воскликните: “Проклятье, как же мне самому это не пришло в голову!”» [4, с. 11]. Согласившись, мы будем, как это традиционно делают в семантических исследованиях загадок¹⁷, приписывать подлинной головоломке «эффект обманутого ожидания из-за нарушения изоморфизма между исходной (т. е. загаданной) ситуацией и преобразованной ситуацией» [27, с. 7], т. е. между формулировкой такой занимательной задачи и поиском способа ее решения. А вследствие этого, предлагаем усматривать за головоломками особую поэтику формулировок интеллектуальных задач и пола-

---

¹⁷ Родственная семантическая природа смеховых «языковых игр» (острот, анекдотов и др.) рассматривалась автором в [32]. См. так же [31, с. 67–72].

гать специфику риторики, обеспечивающей организацию тех рассуждений, что приводят к успешному их решению.

В значительной мере последнее соответствует известному противопоставлению Аристотелем *поэтики* [1] как теории литературы, и *риторики* [2] как теории устного красноречия, представляющего содержащиеся в речи мысли «через говорящего и по ходу его речи». Однако, относительно формулировок теоретических задач и поиска их решений была замечена досадная асимметрия, «то обстоятельство, что обычно мы *ставим* задачу (формулируем и понимаем) в рамках одной системы рассуждений, а *решаем* ее в рамках другой. И почему-то только последнюю систему признаем за ту, которой мы пользуемся, обманывая, таким образом, себя и проявляя неблагодарность к первой системе» [25, с. 19]. Пожалуй, что именно в случае занимательных задач паритет двух сторон умело соблюдается. Здесь знанием как интеллектуальным удовольствием, безусловно, располагает и риторика эффективного решения (а вместе с тем и анализа ошибочных, приближенных или неосуществимых решений), и, в ничуть не меньшей мере, поэтика эффективной постановки задачи.

Известно, что именно пифагорейцы разработали ораторское искусство и составление эпидейктических речей, предназначенных, в отличие от речей совещательных и судебных [2, с. 43], для наглядной демонстрации прекрасного, в нашем случае риторики решений — «изящных результатов» и «красивых доказательств». В ранней философии риторики (Протагор, Горгий, отчасти Аристотель) важна была способность риторики находить новые и необычные положения, такое «изобретение мыслей» оценивалось высоко и категорически противопоставилось умению следовать лишь прописным истинам. Исократ, афинский ритор

и философ, критиковал Платона за его упреки в «праздности риторики», подчеркивая, что убедительность речи основывается на напряженной работе ума, что только тот, кто результативно использует риторику, становится сильным мыслителем: «Выбрать для каждого сюжета те именно приемы, какие нужно, сочетать их между собой и применить в надлежащем порядке, кроме того, не ошибиться в оценке обстоятельств, расцветить всю речь соответствующими случаю рассуждениями и изложить их в соразмерных и изящных выражениях — все это требует огромной заботы и является делом сильного и проницательного ума» [29, с. 233]. Относительно интеллектуальных задач заметим, что согласно Исократу риторика не столько отвечает за автопоэзис (самопорождение) мыслирассуждения, сколько за создание условий для неординарного решения.

Основой поэтики же является подражание (*μίμησις*) [1, с. 646], ибо любая литература лишь изображает события, которые «должны быть явны и без обучения». В этом смысле представляется крайне плодотворным «поэтический» взгляд на формулировки головоломок как на весьма особый вариант литературы малых форм, провоцирующий нас на «философию малых дел» (К. Твардовский). Характерна в этом смысле «легендарная» судьба классических задач древности: *кватрадура круга* (построение квадрата, равновеликого данному кругу) [3]; *трисекция угла* (деление произвольного угла на три равновеликие части); *удвоение куба* (построение куба, объем которого вдвое больше объема заданного куба). Последняя, например, получила название «делосская задача», от острова Делос в Эгейском море, где, согласно легенде, оракул повелел, чтобы избежать эпидемии, удвоить алтарь кубической формы. Хотя по сути эта задача является неразрешимым (путем построений циркулем и линейкой) обоб-

щением крайне простой геометрической задачи об удвоении квадрата¹⁸. Головоломки, не скрывают своего «всего лишь подражания» реальным жизненным проблемам, они очевидным образом используют богатую палитру «поэтических» средств, предметов и способов [1, с. 646–648] и тем самым создают удивительный мир остроумных забав и интеллектуальных развлечений, этот незаконнорожденный и беззаботный, как всякий байстрюк, отпрыск древних мистерий. В случае литературной удачи эти «маленькие мистерии» привычно «...называют “орфическими” и “вакхическими”, тогда как на самом деле они египетские и пифагорейские...» (Геродот) [48, с. 139]. И этот мир извечных загадок бытия и сознания легко размещается на вашем письменном столе, потворствуя желанию «отгонять печаль размышлениями».

Список литературы

1. *Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М., 1984. С. 645–680.*
2. *Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978. С. 15–166.*
3. *Архимед, Гюйгенс, Ламберт, Лежандр. О квадратуре круга. С приложением истории вопроса, составленной Ф. Рудио, профессором Цюрихского политехникума / пер. с нем. Харьков, 1911.*
4. *Барр С. Россыпи головоломок / пер. с англ. М.: Мир, 1987.*
5. *Бобров С. П. Волшебный двурог, или Правдивая история небывалых приключений нашего отважного друга Ильи Александровича Камова в неведомой стране, где правят: Догадка, Усидчивость,*

---

¹⁸ Для того чтобы построить квадрат вдвое большей площади, чем данный, достаточно провести у данного квадрата диагональ и принять ее за сторону нового квадрата.

Находчивость, Терпение, Остроумие и Трудолюбие и которая в то же время есть пресветлое царство веселого, но совершенно таинственного существа, чье имя очень похоже на название этой удивительной книжки, которую надлежит читать не торопясь. М.: Изд-во «Детская литература», 1967.

6. *Бычков С. Н., Зайцев Е. А.* Математика в мировой культуре. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 2006.
7. *Вейль Г.* Симметрия / пер. с англ. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1969.
8. *Волошинов А. В.* Пифагор: Союз истины, добра и красоты. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
9. *Гарднер М.* А ну-ка догадайся / пер. с англ. М.: Мир, 1984.
10. *Гарднер М.* Есть идея! / пер. с англ. М.: Мир, 1982.
11. *Гарднер М.* Крестики-нолики / пер. с англ. М.: Мир, 1988.
12. *Гарднер М.* Математические головоломки и развлечения / пер. с англ. М.: Мир, 1971.
13. *Гарднер М.* Математические досуги / пер. с англ. М.: Мир, 1972.
14. *Гарднер М.* Математические новеллы / пер. с англ. М.: Мир, 1974.
15. *Гарднер М.* Математические чудеса и тайны. Математические фокусы и головоломки / пер. с англ. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1967.
16. *Гарднер М.* От мозаик Пенроуза к надежным шифрам / пер. с англ. М.: Мир, 1993.
17. *Гарднер М.* Путешествие во времени / пер. с англ. М.: Мир, 1990.
18. *Гарднер М.* Теория относительности для миллионов / пер. с англ. М.: Атомиздат, 1967.
19. *Гарднер М.* Этот правый, левый мир / пер. с англ. М., 1967.

20. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. М.: Издательский центр «Академия», 1995.
21. Демурова Н. М. Эти маленькие шедевры // Стихи матушки Гусыни: сборник / сост. Н. М. Демурова; на англ. яз. с избранными русскими переводами. М.: Радуга, 1988. С. 15–30.
22. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Loseva. М.: Мысль, 1979.
23. Дьюдени Г. 520 головоломок / сост. и ред. амер. изд. М. Гарднер; пер. с англ. М.: Мир, 1975.
24. Дьюдени Г. Кентерберийские головоломки / пер. с англ. М.: Мир, 1979.
25. Ершов Ю. Л., Самохвалов К. Ф. Современная философия математики: недомогания и лечение. Новосибирск: «Параллель», 2007.
26. Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Изд-во ВГК, Изд-во «Алетейя», 1994.
27. Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989.
28. Игнатъев Е. И. В царстве смекалки, или Арифметика для всех: Книга для семьи и школы. Опыт математической хрестоматии в 3 книгах. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1995.
29. Исократ. Против софистов // Вестник древней истории. 1968. № 1.
30. Кеплер И. О шестиугольных снежинках / пер. с лат. М.: Наука, 1982.
31. Кислов А. Г. Логика в гуманитарных контекстах. Екатеринбург: Изд-во ЕАСИ, 2009.
32. Кислов А. Г. Смеховые «языковые игры»: подмена правил и эффект узнавания // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.

- Вип. 5. Логос і праксис сміху. Одеса, 2004. С. 107–113.
33. *Кэррол Л.* История с узелками / пер. с англ. М.: Мир, 1973.
  34. *Кэррол Л.* Логическая игра / пер. с англ. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1991.
  35. *Кэррол Л.* Охота на Снарка / пер. с англ. М.: «Рукитис», 1991.
  36. *Кэррол Л.* Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в зазеркалье / пер. с англ. и подготовка издания Н. М. Демуровой. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1978.
  37. *Лойд С.* Математическая мозаика / сост. и ред. амер. изд. М. Гарднер; пер. с англ. М.: «Рипол», 1995.
  38. *Магницкий Л. Ф.* Арифметика, сиречь наука числительная. М., 1703.
  39. *Олехник С. Н., Нестеренко Ю. В., Потапов М. К.* Старинные занимательные задачи. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1988.
  40. *Перельман Я. И.* Живая математика. М., 1967.
  41. *Перельман Я. И.* Занимательная алгебра. М.–Л., 1950.
  42. *Перельман Я. И.* Занимательная арифметика. М.–Л., 1938.
  43. *Пети Ж.-П.* О чем размышляют роботы? / пер. с фр. М.: Мир, 1987.
  44. *Смаллиан Р.* Алиса в стране смекалки / пер. с англ. М.: Мир, 1985.
  45. *Смаллиан Р.* Как же называется эта книга? / пер. с англ. М.: Мир, 1981.
  46. *Смаллиан Р.* Принцесса или тигр / пер. с англ. М.: Мир, 1987.
  47. *Тит Т.* Увлекательные забавы для детей и взрослых. Научные опыты и фокусы / пер. с фр. М.: АСТ: Астрель, 2009.

48. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989.
49. *Фрай С.* Автобиография: Моав — умывальная чаша моя / пер. с англ. М.; Фантом-Пресс, 2008.
50. *Хофштадтер Д.* Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда / пер. с англ. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2001.
51. *Хофштадтер Д.* Текущие концепты и творческие аналогии (отрывки из книги) // Наука: от методологии к онтологии. М.: ИФ РАН, 2009. С. 246–286.
52. *Хофштадтер Д., Даннетт Д.* Глаз разума / пер. с англ. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.
53. *Эбботт Э. Э.* Флатландия. *Бюргер Д.* Сферландия / пер. с англ. М.: Мир, 1976.
54. *Эйлер Л.* Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях. СПб.: Наука, 2002.
55. *Ямвлих.* Жизнь Пифагора / пер. с древнегреч. М.: Алетея, Новый Акрополь, 1998.

Об авторе

Кислов Алексей Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского государственного университета, г. Екатеринбург, kislov@e-sky.ru.

About author

Dr. Alexey Kislov, Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural State University, Yekaterinburg, kislov@e-sky.ru.

«МОДЕЛИ РАССУЖДЕНИЙ – 4: АРГУМЕНТАЦИЯ И РИТОРИКА»

г. Светлогорск, 30 сентября – 2 октября 2010 года

С 30 сентября по 2 октября в г. Светлогорске прошел Всероссийский научный семинар «Модели рассуждений - 4: аргументация и риторика», организованный Российским государственным университетом им. И. Канта при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда. В центре внимания четвертого по счету семинара из серии «Модели рассуждений», посвященного проблемам соотношения теории аргументации с логикой, риторикой и когнитивными науками, на этот раз был риторический подход к аргументации. Главными же темами для обсуждения на семинаре стали:

1. Особенности риторического подхода к аргументации.
2. Современные риторические теории аргументации.
3. Взаимодействие логического, когнитивного и риторического подхода к моделированию аргументации.

Формат семинара предполагал два заглавных доклада на первом заседании семинара и их дальнейшее детальное обсуждение. Первым стал доклад А.И. Мигунова (Санкт-Петербург) «Риторические и аргументативные основания дискурса» и доклад В.Н. Брюшкина (Калининград) «О двойной роли риторики в системной модели аргументации». А.И. Мигунов в своем выступлении оспорил сложившуюся в работах по аргументации традицию толкования риторики, в соответствии с которой функции последней сводятся лишь к убеждению и красноречию. По мнению докладчика, многими исследователями неоправданно оставляется

без внимания фундаментальная – эпистемическая функция риторики. Со вторым заглавным докладом «О двойной роли риторики в системной модели аргументации» выступил проф. В.Н. Брюшинкин. Он изложил свое видение функций риторики, в соответствии с которым можно выделить две основные роли, которые она играет в процессе аргументации. На стадии осуществления аргументации риторика выступает в роли средства усиления убеждающего воздействия набора аргументов путем повышения их изобразительности и выразительности. По мнению В.Н. Брюшинкина, однако, риторика может также выполнять функцию порождения набора аргументов, что было продемонстрировано докладчиком на примере фрагмента текста Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Оба доклада активно обсуждались в течении всего семинара.

Второе заседание открыл доклад Д.В. Зайцева (Москва) «Аргументативные рассуждения в неориторике Х. Перельмана. Квази-логика квази-рационального субъекта», в котором он рассмотрел неправильное использование *modus ponens*. В аргументации (в отличие от логики) часто делают заключение от отрицания основания к отрицанию следствия и утверждения следствия к утверждению основания. Это является квази-логикой, такие выводы убедительны для квази-рационального субъекта, не обладающего в полной мере логической культурой, но чувствующего присутствие логического вывода. Неориторике Х. Перельмана был посвящен и доклад Н.В. Зайцева (Москва) «Универсальная аудитория как виртуальный субъект». Она отметила, что понятие универсальной аудитории Х. Перельмана не может не вызывать аналогию с понятиями трансцендентального субъекта из "Критики" Канта или со-человечества из "Начала геометрии" Э.Гуссерля. Сам Перельман не скрывал идей-

ного влияния этих философов на его "Новую риторику". В его работе есть ссылки на этих авторов. Более того само определение универсальной аудитории Перельмана почти слово в слово воспроизводит определение со-человечества Э.Гуссерля. Но феноменологическое обоснование не ограничивается концепцией аудитории как одного из важнейших компонентов аргументации. Именно в феноменологии, по мнению Н.В. Зайцевой можно найти критерий различения логического и риторического подходов, а также различения аргументации-обоснования и аргументации-убеждения.

Затем В.К. Ермолаев (Рига) в докладе «*Persuader et Convaincre* – проблема терминологического различения двух видов речевого воздействия» осветил проблему перевода на русский язык двух видов речевого воздействия – *persuading* и *convincing*. Шестой параграф книги Х. Перельмана «Новая риторика» называется «*Persuading and Convincing*» и посвящен важной теме – различию между «логической», «объективной», «рациональной» и «не-логической», «субъективной», «не-рациональной» аргументацией. Опозиция, выраженная этими двумя терминами, играет значимую роль не только в тексте «Новой риторики», но и во многих других классических философских текстах, поэтому удачный выбор русских терминов для передачи смысловых оттенков *persuader/convaincre* имеет большое значение для рассуждений о соотношении логики и риторики. В.К. Ермолаев рассмотрел различные варианты перевода этих терминов и выявил их достоинства и недостатки.

Анализу и сравнению нескольких различных формальных теории диалога стал доклад Е.Н Лисанюк (Санкт-Петербург) «Риторический подход и агентные структуры в формальной диалектике» Она показала, что «погружение» риторических аспектов вербального

взаимодействия в имеющиеся формализованные подходы его анализа выступает актуальным вызовом в области изучения аргументации. Риторический и прагматический аспекты, от которых абстрагируется всякая теория логического вывода, отражают субъективный (необщезначимый) характер нестрогих рассуждений. Агентные структуры – это один из формально-логических инструментов выражения субъективного характера рассуждений. Определение прагматического следования должно учитывать не только прагматический, но агентный аспекты.

Проф. Самохвалов К.Ф. (Новосибирск) выступил с докладом «О математической деятельности как риторике». Он отметил, что как бы ни выглядела математическая деятельность со стороны, самому математику она представляется внутренним диалогом с собой с целью убедить в чём-то самого себя. В этом качестве математическая деятельность может считаться своеобразной внутренней риторикой (неориторикой). Схематически, но ясно и наглядно, опуская сугубо математические малознакомые детали, было показано, что специфика приёмов этой внутренней риторики приводит к появлению в математике априорно-синтетических утверждений. Завершил второе заседание доклад В.Л. Васюкова (Москва) «Взаимодействие логического, когнитивного и риторического подхода к моделированию аргументации», где была представлена типология неклассической аргументации. Он выделил основные типы неклассической аргументации: релевантная, алетическая, деонтическая, эпистемическая, темпоральная, многозначная, паранепротиворечивая, не-фрегевская, - и дал их краткую характеристику.

Второй день семинара открыла Е.Г. Драгалина-Черная (Москва) докладом «Семиотический тривий Ч.С. Пирса», в котором она проанализировала взгляды Ч. Пирса на соотношение логики, грамматики и ритори-

рики. Она показала, что в семиотическом тривиум Пирса отсутствует жесткая трихотомия грамматики, логики и риторики, поскольку его прагматизм подчиняет все «формальные искусства» разгадке главной загадки семиозиса – секрета эффективности знаков. А избавление риторики от традиционной языковой ограниченности приводит к тому, что в «формальное» исследование знаков вовлекается центральное из «реальных искусств» - геометрия. Тему изучения логико-философского наследия Ч. Пирса продолжила А.С. Бобровой (Москва). В докладе «Риторика Ч.С. Пирса» она представила обзорное представление о риторике Ч.С. Пирса, а также предложила взгляд на логику в ее широком смысле (логика является иным названием для семиотики) через призму риторики. А.С. Боброва объяснила процесс проникновения в риторику собственно логических элементов с помощью демонстрации взаимоотношений риторики и логики в узком понимании этого термина (как теории рассуждений).

Проф. Демина Л.А. (Москва) в докладе «Синтез герменевтического, логического и риторического подходов в анализе смысла и понимания (на примере античности)» на примере античной философии обосновала необходимость синтеза герменевтического, логического и риторического подходов как условия понимания смысла слов и предложений. Она показала, что в период античности все эти подходы были слиты воедино (например, в платоновских диалогах), и только впоследствии они разошлись и дисциплинарно самоопределились.

В докладе «Трансцендентальная аргументация: истоки и перспективы» С.Л. Катречко (Москва) привел основания для выделения трансцендентальной составляющей аргументации, которая, по мнению докладчика, задействована не только в философских, но и во всех остальных типах рассуждений. При этом транс-

цендентальная логика (как составляющая аргументации) занимает как бы «срединное положение» между логикой и риторикой и одна из задач развитой теории аргументации состоит в том, чтобы уточнить концептуальное различие (соотношение) формальной и трансцендентальной логики, трансцендентальной логики и (нео)риторики.

В.И. Чуешов (Минск) в докладе «Риторика старая и новая» проанализировал различие в подходах к аргументации классической риторики и неориторики Перельмана. В современной научной литературе представлен мультиверсум значений выражения «новая риторика». По мнению В.И. Чуешова, в методологическом смысле понятия «старая риторика» и «новая риторика» являются веберовскими «идеальными типами», не имеющими одного единственного референта. Их назначение, как и любого другого идеального типа, состоит в упорядочивании массива знания, его категоризации, систематизации и фиксации преемственной связи. Новую риторику Х.Перельмана и Л.Ольбрехт-Тытеки можно назвать аргументационно-центричной риторикой, тогда, как новую риторику льежской группы ми – риторикой экспрессивно-центричной. При этом эти два обличья риторики, так или иначе, представлены и в старой, и в новой риторике и не исключают, а дополняют друг друга.

Религиозная полемика XVI – XVII веков на Украине стала объектом анализа проф. Хоменко И.В. (Киев) в ее докладе «Особенности логико-риторического подхода к аргументации в полемических произведениях острожских книжников». На основе полемических произведений острожских книжников докладчиком была произведена попытка выделения особенностей их логико-риторического подхода к аргументации. Основная методологическая установка острожских книжников состояла в отрицании значимости ло-

гических и риторических знаний для построения аргументативных текстов. Однако на практике эта установка ими самими не всегда выполнялась. В их полемических произведениях активно задействованы как риторические, так и логические приемы. По мнению И.В. Хоменко, именно благодаря этому аргументация, содержащаяся в них, и была столь действенной.

Риторику как явление культуры, служащее инструментом вербализации миропонимания и ее важнейшую роль в качестве такового, рассмотрела в своем докладе О.И. Марченко (Санкт-Петербург). Она подчеркнула, что риторику следует рассматривать, прежде всего, как науку о закономерностях комплексного многоаспектного моделирования речевой деятельности. Необходимость в риторике возникает в общении людей, в межсубъектных отношениях, а убедительность как главное качество речи, диалога, общения, дает возможность рассматривать и другие явления культуры под риторическим углом зрения. Но как возможно ли преодолеть конфликтность и противопоставление сферы культуры и сферы интеллекта, а также понятий интеллектуального и досугового? А.Г. Кислов (Екатеринбург) в докладе «Культура интеллектуального досуга» отметил, что эта конфликтность понятий кроется совсем не в отрицании самой возможности интеллектуального творчества как такового, а в нашей неспособности отчетливо дифференцировать рациональные и нерациональные составляющие искусства и творчества, в том, что сам статус интеллектуальной культуры остаётся весьма неопределённым.

Проф. Герасимова И.А. (Москва) в докладе «Логика мечты или невозможного» подняла вопрос об уточнении понятий возможное и невозможное в отношении дискуссии о будущем. Она описала, что под этими понятиями подразумевают современные физики, и заметила, что самое трудное определить «невоз-

можное в принципе». Проанализировав в различных аспектах понятие «возможное», И.А. Герасимова предложила свое определение невозможного в принципе - это то, что логически невозможно или физически невозможно, поскольку противоречит законам Природы и возможному ходу ее эволюции. В аспекте риторики суждения о будущем просто невозможны без риторических средств, которые призваны организовывать и стимулировать коллективное мышление. А Е.Н. Шульга (Москва) рассмотрела вопрос об определении статуса теории аргументации. В докладе «Проблема обоснования теории аргументации» она показала, что теория аргументации формирует свой научный аппарат исходя из запросов практического свойства, что делает задачу философского обоснования теории аргументации вторичной по отношению к постоянно расширяющейся сфере ее реального приложения. Для реализации задачи обоснования теории аргументации необходимо выделить критерии рациональности и общеметодологические требования, предъявляемые к исследовательской деятельности в науке. Рассмотрение условий рационального теоретического поиска в обосновании теории аргументации, соотнесение этих условий со спецификой организации знания в этой сфере, в частности, включение логической, риторической, эпистемологической составляющей делают проблему обоснования теории аргументации открытой для эвристического поиска.

На семинаре также выступили, проф. Калинин Л.А. (Калининград), Т.В. Носова (Белгород), А.М.Сологубов (Калининград),

В.Н. Брюшинкин и Д.В. Хизанишвили (Калининград) представили проект интеллектуальной обучающей системы «Аргументатор». Цель данной системы - обучение навыкам успешной аргументации в произвольных областях общественной жизни при помощи

интерактивной компьютерной программы. Для этой цели идет разработка компьютерной программы, которая позволяет обучаться способам убеждения некоторого виртуального лица в верности/приемлемости каких-то положений или склонять его к выполнению каких-то действий.

Свои доклады представили и аспиранты кафедры философии РГУ им. И. Канта. Л.С. Ледак в докладе «Системная модель аргументации в воображаемой логике Н.А. Васильева» рассмотрела, каким образом автор обосновывает возможность иной – воображаемой логики. С помощью системной модели В.Н. Брюшинкина она проанализировала логические и риторические средства, выявила двойственный характер обоснования, а также предложила объяснение избыточности аргументации. А.В. Мисюк в своем докладе рассмотрел современные интерпретации модели Стивена Тулмина, и показал, каким образом эта модель применяется в математике.

Завершали семинар два круглых стола. На первом состоялось обсуждение доклада проф. Меськова В.С. «Приложения постнеклассической методологии к моделированию образовательных процессов». Второй круглый стол, основным докладчиком на котором выступила проф. Грифцова И.Н. (Москва), был посвящен проблемам, связанным с соотношением понятия «аргументация» и группы родственных понятий: «объяснение», «убеждение», «обоснование». На круглом столе выступили проф. Сорова Г.В. (Москва), проф. Ярмак Ю.В. (Москва), а также Т.В. Носова, Д.В. Зайцев, А.И. Мигунов, В.И. Чуешов, И.В. Хоменко, С.Л. Катречко и др. В результате участники обсуждения решили продолжить дискуссию в письменном виде на страницах электронного журнала РАЦИО.ru.

Результатом семинара стало уточнение значения риторики для анализа аргументации и ряд новых мо-

А.С. Труфанова

делей взаимодействия риторических, логических и когнитивных средств в ходе разработки и осуществления аргументации. Однако следует отметить не только то, что были достигнуты определенные результаты в решении рассматриваемых проблем, но целый ряд вопросов проявившихся в процессе исследования различных аспектов аргументации. А это означает, что разработка главной проблематики семинара должна быть продолжена.

Труфанова А.С.